

К. А. Иванов.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЗАМОК

и

его обитатели

Предисловие к 1-му изданию. — Предисловие ко 2-му изданию. —
Внешний вид замка. — Посвящение в рыцари. — Внутренность замка. —
Пир. — Охота на кабана. — Рыцарское вооружение. — Турнир. —
Судебные поединки. — Среди семьи. — Именем фазана. — Заключение.

Издание ТРЕТЬЕ, дополненное,

с 37-ю рисунками.

С. - ПЕТЕРБУРГ.

Склада издания в "Петербургск. Учебн. Магаз.": Петербург. стор., Больш. пр., 6.

1907.

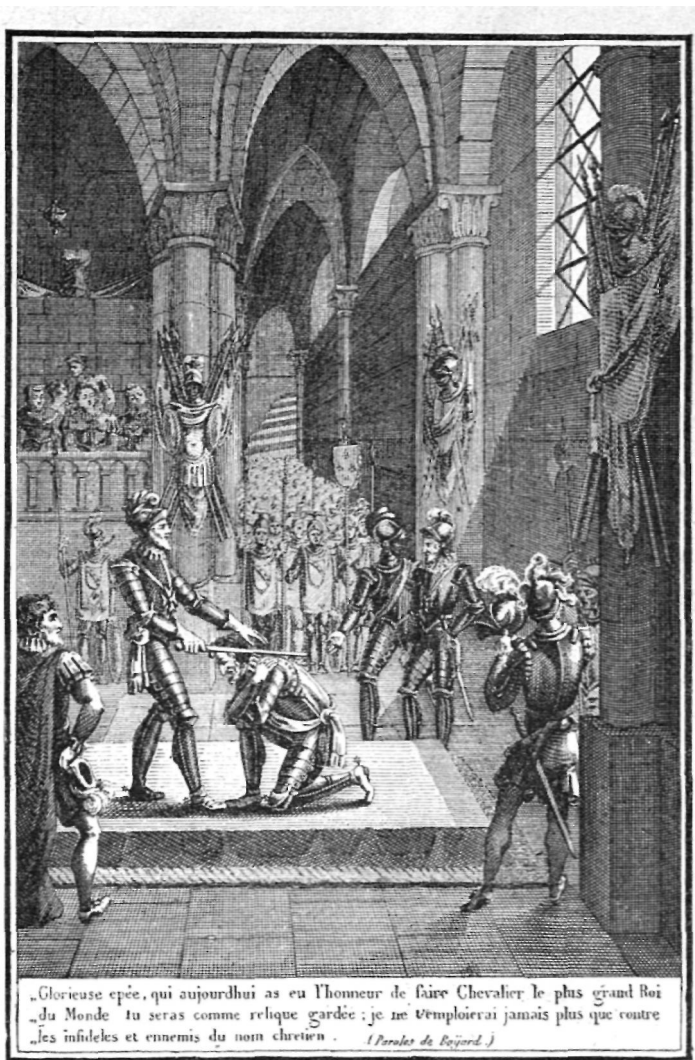
Предисловие к 1-му изданию.

Очень нелегко изобразить в небольших и более или менее интересных очерках быт средневекового общества, даже при известном знакомстве с ним. Для этого необходимо, прежде всего, сосредоточить свое внимание только на одной стороне его. Так мы и поступили, сгруппировав весь обширный материал, необходимый для исполнения нашей задачи, в известные отделы: средневековый замок, средневековый город, средневековый монастырь, средневековая деревня и др. Настоящая серия очерков, так сказать, построена из материала, входящего в первый из названных отделов. Но и такой группировкой дело облегчилось только отчасти. Действительно, и сам средневековый замок, и быт его обитателей неоднократно и значительно изменяли свои формы в продолжение средневекового периода, с другой стороны народы Западной Европы вносили в эти формы свои национальные особенности. Следить за всеми упомянутыми изменениями и особенностями значило бы уклониться от той цели, которая заставила нас взяться за настоящую работу. Естественно, таким образом, возникла необходимость ограничиться только известным кругозором известной страной и эпохой. Нигде рыцарство не выразилось в такой полной и яркой форме, как во Франции, отсюда же распространились в Западной

Европе многие рыцарские обычаи, одним словом — для ознакомления с средневековым рыцарством лучше всего сосредоточить внимание читателя на Франции, указывая только некоторые характерные уклонения и особенности, проявлявшиеся в других странах. Но, так как и Французское рыцарство пережило ряд весьма существенных перемен, то пришлось ограничиться только известной эпохой. Следить за переменами, которых были пережиты им, значило бы писать его историю, а мы задались, как и сказано нами выше, совершенно иной целью. Наиболее характерной эпохой в истории рыцарства являются XII—XIII вв., как период его процветания. Всем вышеизложенным объясняются содержание и характер настоящей работы.

На сколько нам удалось достигнуть предположенной цели, судить не нам. При составлении очерков мы пользовались лучшими иностранными монографиями; относящимся к данному вопросу, во главе которых мы должны поставить исследования Gautier и Schultz'a. Из остальных назовем мемуары Sainte-Palaye, превосходное издание Lacroix, лекции Fauriel'я, монографии Kottenkamp'a и von der Hagen'a.

„Glorieuse épée, qui aujourd'hui as eu l'honneur de faire Chevalier le plus grand Roi
„Du Monde tu seras comme relique gardée : je ne l'emploierai jamais plus que contre
„Les infidèles et ennemis du nom chrétien . (Paroles de Bayard.)

Баярд посвящает в рыцарское звание короля Франциска I.

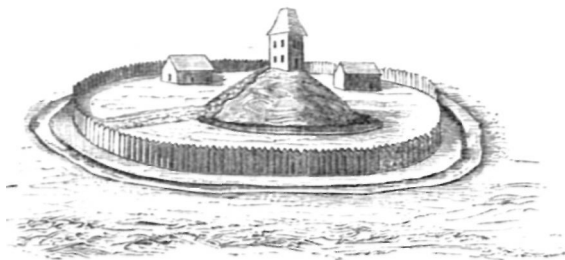
Внешний вид замка.

Средневековый замок, при одном упоминании о котором у всякого образованного человека создается в воображении знакомая картина, и всякий переносится мыслей в эпоху турниров и крестовых походов, имеет свою собственную историю. Замок со своими известными принадлежностями — подъемными мостами, башнями и зубчатыми стенами содздался не сразу. Ученые исследователи, посвящавшие свой труд вопросу о происхождении и развитии замковых сооружений, отметили несколько моментов в этой истории, из которых наибольший интерес представляет момент наиболее ранний: до такой степени первоначальные замки непохожи на замки последующего времени. Но, при всем несходстве, существующем между ними, нетрудно найти и черты сходные, нетрудно в первоначальном замке увидеть намеки на позднейшие сооружения. Возможность отыскать эти первоначальные формы и сообщает вопросу тот интерес, о котором мы только что говорили.

Опустошительные набеги неприятелей побуждали к построению таких укреплений, которые могли бы служить надежными убежищами. Первые замки представляли собою земляные окопы, более или менее обширных размеров, окруженные ровом и увенчанные деревянным палисадом. В таком виде они походили

на римские лагеря, и это сходство, конечно, не было простой случайностью; несомненно, что эти первые укрепления устраивались по образцу римских лагерей. Как в центре последнего возвышалась палатка полководца или преторий (praetorium), так посреди пространства, замыкавшегося замковым валом, поднималось естественное или, по большей части, искусственное земляное возвышение конической формы (la motte). Обыкновенно на этой насыпи воздвигалось деревянное строение, входная дверь которого находилась на верху насыпи. Внутри самой насыпи устраивался ход в

подземелье с колодезем. Таким образом, попасть в это деревянное строение можно было, только взобравшись на самую насыпь. Для удобства обитателей устраивалось что-то в роде деревянного помоста, спуска на подпорках; в случае нужды, он легко разбирался, благодаря чему неприятель, желавший проникнуть в само жилище, встречал серьезное препятствие. По миновании опасности, разобранные части так же легко приводились в прежнее состояние. Если мы, не вдаваясь в подробности, представим себе только ту общую картину, которая, как мы выше говорили, возникает в воображении каждого образованного человека при одном упоминании о замке, — если мы эту общую картину сопоставим с только что описанным первоначальным замком. при всем несхождении того и другого, мы без особенного труда отыщем и общие черты. Существенные части средневекового рыцарского

замка здесь налицо, в этом неприхотливом сооружении: дом на земляной насыпи соответствует главной замковой башне, разборный спуск — подъемному мосту, вал с палисадом — зубчатой стене позднейшего замка.

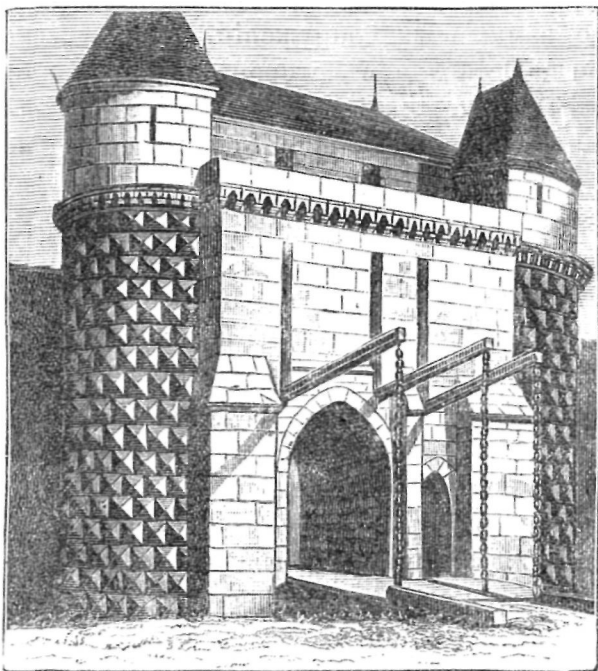
С течением времени все новые и новые опасности со стороны внешних врагов, разорительные норманнские набеги, а также новые условия жизни, вызванные развитием феодализма, способствовали как размножению замковых сооружений, так и усложнению их форм. Оставляя в стороне историю постепенного видоизменения замковых сооружений, что не составляет нашей задачи, мы обратимся теперь к непосредственному знакомству с тем видом сооружений, который установился в XII веке.

Прежде чем вдаваться в подробное рассмотрение частей средневекового замка, перенесемся воображением за семь столетий назад, посмотрим на тогдашний замок издали, с опушки близлежащего леса. Только после этого мы подойдем к самому замку и познакомимся с его составными частями. „Почти каждый холм, — говорит Грановский, бегло характеризуя средние века — каждая крутая возвышенность увенчана крепким замком, при постройке которого, очевидно, не удобство жизни, не то, что мы называем теперь комфортом, а безопасность была главной целью. Военственный характер общества резко отразился на этих зданиях, которые, вместе с железным доспехом, составляли необходимое условие феодального существования“*). средневековый замок производил (и до сих пор производит) внушительное впечатление. За широким рвом, над которым только что спустили на

*) Характерные изображения замков помещены в настоящей книге далее, в очерке „Именем фазана“.

цепях подъемный мост, поднимается массивная каменная стена. Наверху этой стены резко выделяются на голубом фоне неба широкие зубцы с еле заметными отверстиями в них, а время от времени их правильный ряд прерывается круглыми каменными башнями. На углах стены выступают вперед крытые каменные балконы. По временам в промежутке между двумя зубцами заблестит на солнце шлем про-

ходящего по стенам оруженосца. А над стеной, зубцами, стенными башнями гордо поднимается главная замковая башня; на вершине её трепещет флаг, да мелькает порой человеческая фигура, фигура недремлющего сторожа, обзирающего окрестность.

Но вот, оттуда, с вершины башни понеслись звуки рога... О чем возвещает сторож? Из под темного свода замковых ворот на подъемный мост, а потом на дорогу выехала пестрая кавалькада: обитатели замка

поехали на прогулку по окрестностям; вот они уже далеко. Воспользуемся тем, что мост еще опущен, и проникнем за каменную ограду замка. Прежде всего внимание наше останавливается на устройстве моста и на самих воротах. Они помещаются между двумя башнями, неразрывно соединенными со стеной. Тут только мы замечаем, что рядом с большими воротами устроены маленькие, представляющие собой что-то в роде калитки; от них также переброшен через ров подъемный мост (*pont leveis* или *pont torneis*, *zoge brucke*). Подъемные мосты опускались и поднимались при посредстве цепей или канатов. Делалось это следующим образом. Над воротами, в стене, соединяющей обе недавно названные башни, были проделаны продолговатые отверстия; они направлялись сверху вниз. В каждое из них продевалось по одной балке. С внутренней стороны, т. е. с замкового двора, эти балки соединялись поперечной переключиной, и здесь же от конца одной из балок спускалась железная цепь. К противоположным концам балок, выходящим наружу, прикреплялись две цепи (по одной к каждой балке), а нижние концы этих цепей соединялись с углами моста. При таком устройстве, стоит только, войдя в ворота, потянуть вниз спускающуюся там цепь, как наружные концы балок начнут подниматься и потянут за собой мост, который, после поднятия, превратится как бы в перегородку, заслоняющую ворота (рис. на след. стр.).

Но, конечно, мост не был единственною защитой ворот. Последние запирались и притом весьма основательно. Если бы мы подошли к ним в такое неудобное время, нам пришлось бы оповестить о своем приходе привратника, помещающегося здесь же неподалеку. Для этого пришлось бы или протрубить в рог, или ударить колотушкой в металлическую доску, или постучать особым кольцом, с этой целью приде-

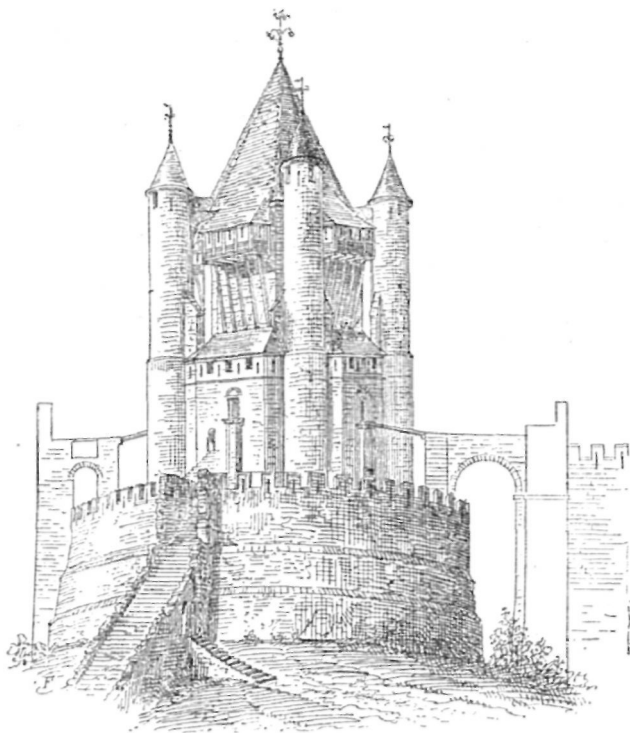
ланным к воротам. Теперь, как мы уже знаем, нам нет надобности оповещать о себе: проход свободен. Мы проходим под длинными сводами ворот. Если бы живущие в замке случайно заметили наше появление и почему-либо не пожелали пропустить нас во двор, в их распоряжении находилось еще одно средство. Взгляните на верх, на этот каменный свод. Не замечаете ли вы чего-нибудь, кроме длинных балок, составляющих одно целое с под-

емными мостами? Видите ли это сравнительно неширокое отверстие, проходящее поперек свода? Из этого отверстия в один момент может опуститься железная решетка (*porte colante*, *Slegetor*) и преградить нам доступ во двор. Сколько предосторожностей на случай нападения врага! Иногда, если позволяло место, вблизи ворот, с внешней стороны, воздвигалось еще особое кругообразное укрепление, передовая крепостца (*barbasane*), с отверстиями для пускания стрел в неприятеля.

Но мы беспрепятственно проходим под сводами ворот и вступаем в передний двор. Да это — целое селение! Здесь — и капелла, и бассейн с водой, и жилища простого народа, обитающего в замке, и кузница, и даже мельница. Нас не заметили, и мы проходим вперед. Пред нами — новый ров, новая внутренняя стена, новые ворота с такими же приспособлениями, какие мы видели у первых, наружных ворот. Нам удалось пройти новые ворота, и мы — на другом дворе; тут — конюшни, погреба, кухня, вообще всякие службы, а также — жилище владельца и ядро всего сооружения — главная замковая башня (donjon, Bergfrit). Остановим свое внимание на этой башне. Она — слишком важный предмет, чтобы можно было пройти мимо неё. Это — последний оплот для живущих в замке. Много преград предстояло одолеть неприятелю, прежде чем он мог бы добраться до этого пункта. В случае проникновения врага во внутренний двор население замка укрывалось в центральной башне и могло еще выдерживать продолжительную осаду в ожидании каких-либо благоприятных обстоятельств, которые могли бы выручить осажденных из беды. Большой частью главная башня воздвигалась совершенно в стороне от других построек. При этом, старались выстроить ее на таком месте, где находился ключ: не имея воды, осажденные не могли бы, конечно, долго противостоять врагу. Если не было ключа, тогда устраивалась цистерна. Стена центральной башни отличалась своею толщиной. Формы башен бывали различные: четырехугольные, многоугольные, круглые; последние преобладали (с конца XII века), так как лучше могли сопротивляться разрушительной силе неприятельских стенобитных машин. Ход в центральную башню устраивался футов на 20—40 над её основанием. В башню можно было проникнуть только посредством такой лестницы,

которую легко было убрать в самый короткий срок или даже и совсем уничтожить. Иногда от соседних зданий перебрасывались к башне подъемные мосты. Подвальный этаж центральной башни, т. е. все пространство от основания её до входной двери наверху, был занят или темницей, или кладовой для хранения хозяйских сокровищ. И та, и другая были

снабжены скудными отверстиями, которые служили для притока воздуха. В башне же помещались в древнейшую пору владельцы замка, устраивались комнаты для детей, гостей, больных. В более скромных замках, где не было особенного здания для жилья, в первом этаже башни помещалась главная зала, во втором — спальня хозяев, в третьем — горницы для детей и гостей. В самом верхнем этаже жил башенный сторож. Сторожить на башне — это была са-

мая тяжелая из повинностей: сторожу приходилось испытывать холод, непогоду, необходимо было с постоянным вниманием следить со своего высокого поста за всем, происходившим как в замке, так и в окрестностях его. Сторож трубит в рог при восходе и закате солнца, при отправлении на охоту и возвращении с неё, при приезде гостей, при появлении врага и т. п. В соседстве с каменной сторожкой (*l'eschaugaite, la gaité*) на высоком древке развевается флаг замковладельца. На верхушке башни происходила временами ужасная сцена: здесь вешали преступников. Крепкий оплот представляла собою центральная башня, но представьте себе такой случай, что и она, наконец, захватывалась неприятелем. Что тогда было делать? На этот-то случай глубоко под центральной башней устраивался подземный ход. Этим ходом можно было пробраться в какое-либо безопасное место, например, в соседний лес.

Но мы так увлеклись созерцанием центральной башни, что не обратили вовсе внимания на прелестный фруктовый садик и цветник вместе с тем, раскинувшийся недалеко от грозной и мрачной башни. С особенным удовольствием отдыхает глаз, утомленный рассматриванием каменных укреплений, на розах и лилиях, на зелени лекарственных трав, на плодовых деревьях, на гибкой виноградной лозе. Такие садики были безусловно необходимы для обитателей замка, принужденных, как вы увидите ниже, жить в помещениях неуютных и сумрачных. Вот почему они и разводились везде. За недостатком места внутри замковых стен, такие садики, особенно во Франции, разбивались за стенами.

В нашем замке центральная башня — необитаема в мирное время: только опасность со стороны неприятеля заставит перекочевать туда барона и его семью. В мирное же время обладатели нашего замка живут

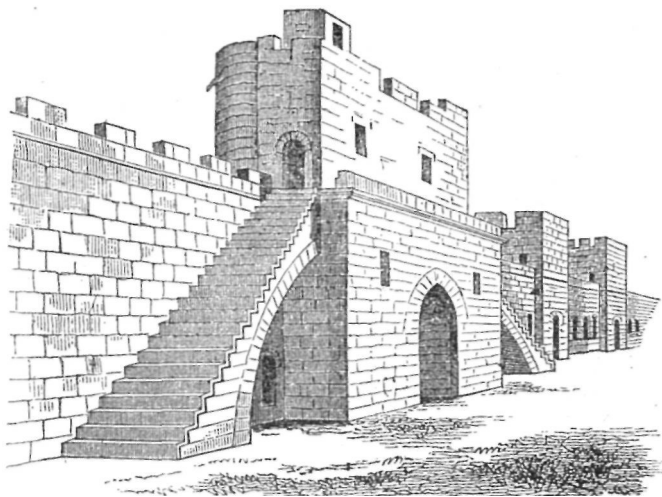
в особом строении. Подойдем к нему. Это строение называется дворцом или палатой (*le palais, der Palas*). Перед нами — каменный двухэтажный дом. В первый этаж, поднимающийся довольно высоко над двором, ведет вдоль стены широкая каменная лестница с каменными же перилами. Недалеко от неё на дворе установлен камень, чтобы облегчить всадникам как влезать на коня, так и слезать с него. Лестница оканчивается у большой двери первого этажа об-

ширной площадкой (*le perron*). Такие площадки были особенно любимы во Франции. Первый этаж занят огромной парадной залой (*la sale, la maistre sale*), второй — жилыми помещениями.

Чтобы закончить обзор внешнего вида средневекового замка, познакомимся еще с устройством внешней замковой стены. Это устройство — более сложно, чем кажется со стороны, и ближайшее знакомство с ним весьма интересно. Вы, конечно, не упустили из виду, что мы находимся внутри замка. Вернемся на передний двор. Поднимемся по этой лестнице: она ведет на стены. Мы взо-

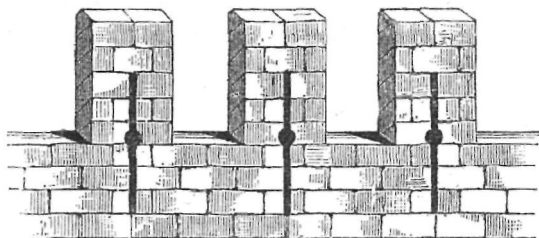
брались и прежде всего проходим по коридору помещения, расположенного над воротами. Вот мы вышли из него на свежий воздух и подвигаемся по замковой стене: это обычный путь (*les aleoirs*) караульного дозора. Справа от нас — передний двор замка, слева — поднимается укрепление, заимствованное у римлян: довольно высокая стена (несколько ниже человеческого роста), а на ней, как на фундаменте, — зубцы (*les merlons*), отстоящие друг от друга на равные, ничем незанятые промежутки (*les creneaux*); зубцы прорезаны продолговатыми вертикальными отверстиями (*les archeres*), предназначенными для пускания стрел. Мы

уже имели случай заметить, что строители средневековых замков старались изобрести возможно больше препятствий на случай вражеского нападения. Пред нами — новый вид препятствия, внезапный обрыв стены. В этом месте она сразу и круто понижается, а далее так же круто поднимается до прежнего уровня. Это — существенная преграда для взобравшегося на стены врага, но не для нас. Бодро мы подвигаемся вперед по деревянному мосту, перекинутому через обрыв. В случае надобности, такие деревянные мосты, не-

однократно прерывающие каменную дорогу, могут быть разобраны в несколько минут. Но вот — новая преграда: на этот раз загородила дорогу стенная башня. Железная дверь, которая ведет во внутренность её, заперта на замок. Теперь и мы не можем продолжать своей дороги. Но имейте в виду, что для замковых обитателей эта железная дверь всегда открыта. Там, с другой стороны — другая железная дверь, а за ней — путь, ничем не отличающийся от пройденного нами. Прежде чем сойти вниз, взгляните хорошенько на

башню, так неожиданно преградившую нам дорогу. Сторона её, обращенная к замку, — плоска, а к полю — полукругла; на её верхушке — зубцы. Но вернемся обратно: дозорный путь, лестница, передний замковый двор, тяжелые ворота (копия с ворот римских городов), подъемный мост, и мы на свободе! Небо голубое, солнце светит ярко, высоко вздымаются звонкоголосые жаворонки! Туда, туда, под живые своды благодатного леса! Отдохнем от нашей утомительной прогулки)

Майское утро сияло всей свежей своей красотой;
 На поле каждая травка сверкала алмазной росой;
 Ветер, припавши к деревьям, шептался с листьями,
 Пчелы жужжали, кружась над цветами *).

*) Стихи Мея из поэмы „Альфус“.

Посвящение в рыцари.

Начался жаркий июльский день; солнце скрылось за горизонтом. С вершины центральной замковой башни понеслись звуки рога: к покою призывали эти звуки, к прекращению трудов. Но в нашем замке сегодня большое движение; в кухне, занимающей особенное строение, стряпня во всем разгар. Вот поднялась решетка у входных ворот, спустился подъемный мост, гремя своими цепями, и из под ворот замка выезжает целое общество. Сопровождаемый отцом, братьями и родственниками выезжает на дорогу старший сын владельца нашего замка. Незадолго до того он взял теплую ванну, облекся в чистые одежды и теперь идет в соседнюю церковь, где проведет всю ночь, где утром совершится посвящение его в рыцари. Ему 18 лет; он полон здоровья и силы; ему хочется подвигов, славы. Наконец-то наступает торжественный день, которого он так пламенно ожидал. Смеркается; повеяло прохладой; шумят листья придорожных деревьев; кое-где зажглись еще бледные звезды. Наши всадники оживленно беседуют. Старый рыцарь вспоминает свое посвящение. Совершилось оно не так, как совершится завтра посвящение молодого человека. Он был далеко от семьи; не радовали его хлопоты родных, не приготовляли ему заботливые руки нежной матери чистых одежд накануне великого в его жизни дня, все, все иначе было. С семилетнего возраста он поселился в чужой семье в качестве пажа или вальтера. В этом звании он проходил в замке богатого землевладельца практическую школу так называемой куртуазии, т. е. учился вежливости и вообще светскому обращению. Пятнадцати лет он получил из рук священника благословенный меч, при чем его, согласно с обычаем, подвели к престолу отец и мать, с зажженными све-

чами в руках. Так он сделался оруженосцем и долго нес эту тяжелую службу. Его родители в ту пору умерли, он остался круглым сиротой, и некому было помочь ему. Он стремился к свободе, к подвигам; между тем, его жизнь долгое время протекала однообразно. Правда, он был не один; у его барона было несколько таких оруженосцев, как он, и это хоть отчасти скрашивало его жизнь. Спозаранку поднимался он с постели и тотчас принимался за работу. Его день начинался в

конюшне, и раннее солнце заставляло его за чисткой хозяйского коня и оружия. Поздней ночью обходил он с товарищами замковые стены. Весь день наполнялся хозяйственными заботами. Частые гости, необходимость служить им, ухаживать за их конями, все это, конечно, не давало времени скучать. Но за то в свободное время, в час отдыха, успокаивалось только тело, между тем как душа работала с большим напряжением. Грусть, думы, мечты не давали ей покоя. Наконец, пробил желанный час. Однажды, ранней весной, в пору именно такого телес-

ного покоя и умственной работы, стоя на замковой стене и рассеянно глядя оттуда на широко развернувшуюся окрестность, он был внезапно пробужден звуками рога у подъемного моста. В ответ им понеслись такие же звуки с высокой замковой башни. Что такое? Гонец на взмыленной лошади. Скорей, скорей! Зазвенели цепи, спустился мост... Гонец — от сюзерена с письмом. Что это? Призывное письмо (le bref) на войну с неверными, Боже, сколько суматохи было! Пришлось поработать. Через неделю все было готово. Барон призвал к себе своего капеллана для составления духовного завещания. Путь далекий: неизвестно, что может случиться; следует быть готовым на все. Кто не знает, что возвращаются оттуда немногие? Кому горе и слезы, а наш оруженосец, как молодой орел, рад, что может, наконец, свободно взмахнуть крыльями и улететь туда, в чужие страны, за синее море, в Святую землю. Прозвучал прощальный поцелуй,

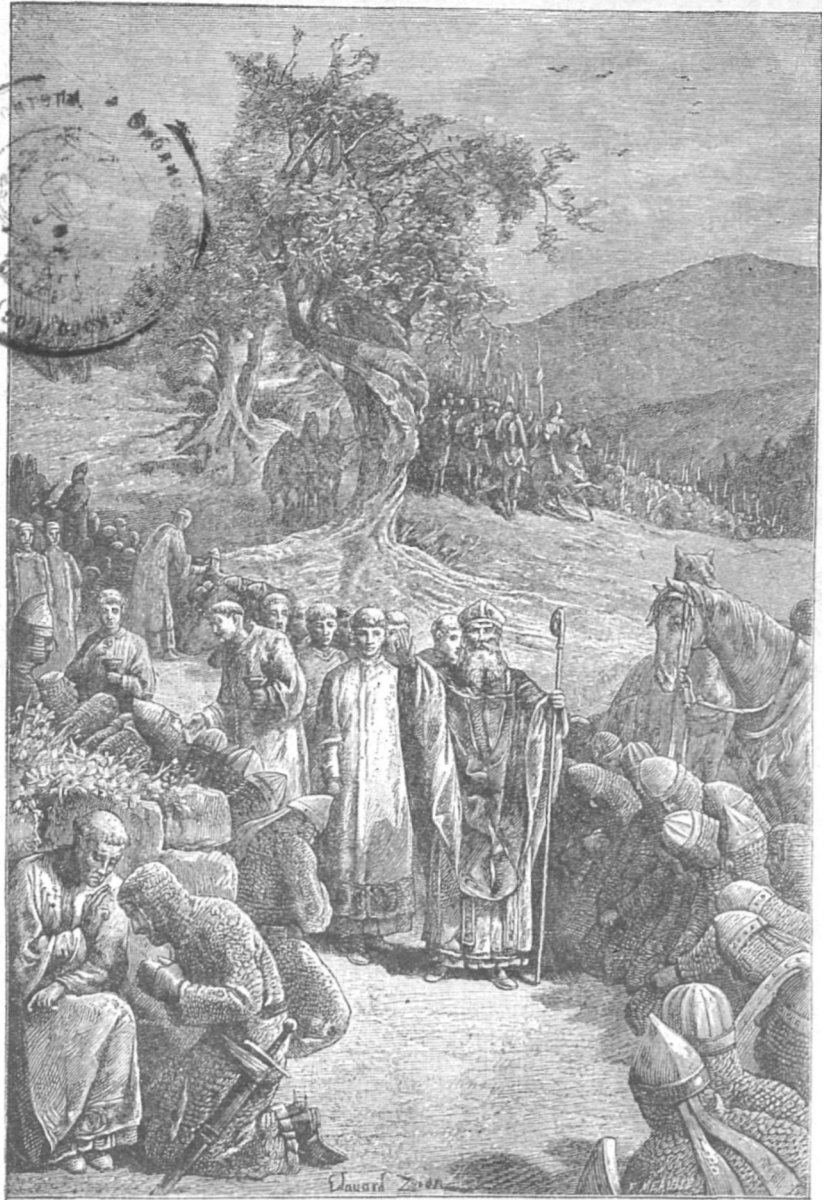
пролились последние прощальные слезы, поехали крестonosцы. Много нового, невиданного прежде пришлось повидать. На дороге вынесли страшную бурю, чуть не погибли в море. А после... голые скалы, раскаленный песок, невыносимый зной, мучительная жажда... Пути неведомы, враг словно из земли вырастает. А вот начались и настоящие битвы. В памяти рассказчика особенно врезался один день, день его славы, осуществления его мечты. Три дня перед ним рыцари и оруженосцы держали пост и ходили молиться в лагерную церковку. Утро памятного дня было прохладное, солнце светило сквозь облака. Необозримыми

рядами расположилось Христово воинство; каждый с верою ожидал общего причащения. Вот показались священники с епископом во главе. Они проходили и приобщали склонявшихся на колени воинов. Сколько обетов произносилось в эти минуты, сколько горячих молитв! Взаимные объятия, поцелуи мира, казалось, навсегда должны были прекратить вражду среди крестоносцев. После проповеди, произнесенной одним из священников, загремели трубы и рога, раздался призыв к битве. Все смешалось в хаотическую массу. Пыль поднялась столбом. Крики, стоны, ругательства, звон оружия, ржание коней наполняли воздух. Оруженосцам приходилось всюду следовать за своими рыцарями, подавать им оружие, уводить и уносить тяжело раненых и в то же время отбиваться от нападений врага, сражаться. На долю рассказчика выпало редкое счастье отбить из рук неприятеля захваченное им христианское знамя. Редкое счастье, редкий подвиг! С закатом солнца битва прекратилась; христиане одержали решительную победу, враги бежали.

Тут же, на самом поле битвы, среди груды убитых и тяжело раненых, сам король посвятил отличившегося оруженосца в рыцари: посвящаемый склонил пред ним колени, а король вручил ему меч и, соглас-

но обычаю, слегка прикоснулся своею рукой к его щеке и своим мечом к его плечу. Во время рассказа старого

рыцаря из за леса поднялась полная луна; тени всадников и их коней, перерезав дорогу, пали на траву. До церкви оставалось еще полпути, и дядя готовящегося к посвящению молодого человека успел рассказать интересный случай, свидетелем которого ему довелось быть много лет тому назад. Он видел не посвящение в рыцари, а торжественное лишение рыцарского сана. И вот как это происходило. Рыцаря уличили в каком-то обмане. Преступный рыцарь был разоружен и в длинной рубахе возведен на подмости, вокруг которых собралась необозримая толпа зрителей. Преступный рыцарь должен был смотреть на то, как разламывалось в куски его оружие, а обломки его бросались к его ногам. Его рыцарские шпоры были сорваны с его ног, герб, изображенный на его щите, стерли, а сам щит привязали к хвосту рабочей лошади. Три раза громко спрашивал герольд, указывая на виновного: „кто это такой?“ Три раза ему отвечали, что это — рыцарь, и три раза он громко возражал: „нет, это не он! это не рыцарь, это—негодяй, изменивший своему слову, клятве верности“. Священник громко читал 108 псалом, в котором особенно страшно звучали для окружающих проклятия, направленные против нечестивца: „Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой. Да будут его дети сиротами, и жена его вдовою... Да не будет сострадающего ему; да не будет милующего сирот его... Да облечется проклятием, как ризою, и да войдет оно, как вода, во внутренности его и, как елей, в кости его“. Потом разжалованного рыцаря положили на носилки и, как мертвеца, как умершего для рыцарства, понесли в церковь. Толпа повалила вслед за ним. В церкви провинившийся должен был выслушать заупокойные молитвы. Усопшим считался он сам, так как он умер для чести. Слушая рассказ, наши всадники невольно ужас-

нулись; холодный пот выступал на лбу у каждого из них. Картина позора и отпевания заживо ярко предстала пред ними. И не в первый раз отец вновь посвящаемого указал сыну на необходимость строго подчиняться всем законам рыцарства: верить всему, чему учит Святая Церковь, и соблюдать её повеления; защищать ее; защищать всякого слабого, не бежать от врага, но смерть предпочитать бегству; быть верным своему сеньору; гнушаться лжи; быть щедрым; повсюду и всегда бороться за правду и добро против неправды и зла.

И в это самое время из-за деревьев взглянул на них храм Божий, ярко освещенный луною.

Застучал засов у церковных дверей, послышался топот отъезжающих домой провожатых, и наконец все смолкло. Таинственна внутренность храма, мрак наполняет ее. Только через одно из окон проникнул в эту темноту серебряный луч месяца. Да на одном из алтарей зажжены свечи перед изображением Св. Георгия Победоносца. Здесь, перед этим алтарем, проведет всю ночь сын нашего барона в молитве, в размышлении о том высоком сане, который ожидает его, о тех обязанностях, которые наложит на него этот высокий сан. Об этих обязанностях нередко приходилось слышать ему, особенно в последнее время. Кругом царит тишина. Гулко отдаются в пустом храме шаги молодого человека; он слышит биение своего сердца, свое дыхание; он чувствует, как приливает кровь к его вискам. То он шепчет молитвы, и собственный шёпот сначала смущает его; то он представляет себе свой замок, свою семью. Как ярко восстают образы пред ним! Он видит лица родных, слышит их речи... О чем они? Об обязанностях того сана, который ожи-

W. P. Woodcut.

дает его. Церковь, говорили ему, — то же, что голова в человеческом теле, горожане и крестьяне — желудок и ноги, а рыцарство уподобляется рукам. Руки расположены как раз посреди человеческого тела, между головой и низшими членами, чтобы защищать и то, и другое. И так, веруй всему, чему учит Св. Церковь, исполняй её повеления: защищай ее, но вместе с тем уважай все слабое, будь защитником его, защитником вдов, сирот, всякого немощного. Защищай женщину; слабая, безоружная, она часто притесняется незаконным, грубым соседом; часто на её счет пускаются гнусными людьми самые низкие клеветы. Крепко держись данного тобою слова, не лги. Чтобы ты ни потерпел, отлучившись в дальние страны, а, вернувшись домой, расскажи о всем чистосердечно, ничего не утаивай. О славном подвиге поведай: он воодушевит других; послужит добрым примером; о неудаче не умалчивай: рассказ о ней может послужить хорошим уроком для других, а вместе с тем утешит того, кто и сам потерпел когда-либо неудачу. Будь щедр, будь благороден в обхождении: щедрость и благородство — два крыла, поддерживающая рыцарскую удаль... Но вот, снова приходит на память молитва, образы бледнеют и расплываются в сумраке храма, речи их удаляются и наконец замолкают; юноша простирает руки к святому изображению, озаренному свечами, и весь отдается горячей молитве. Его рыцарский меч, которым завтра торжественно опояшут его, лежит на алтаре

Этот благочестивый и поэтический обычай проводить целую ночь, предшествовавшую посвящению в рыцарство, под сводами храма развился и господствовал во Франции. Он назывался *la veille* (или *la veillée*) *des armes* и с древнейших времен имел место при судебных поединках, при единоборстве обидчика с обиженным. Так в одной ла-

тинской хронике, оканчивающейся на 1029 году, рассказывается подобный поединок. При этом сообщается, что одержавший в нем победу немедленно отправился пешком поблагодарить Бога у гробницы одного святого, именно в тот самый храм, в котором он провел всю ночь, предшествовавшую поединку. Потом обычай этот приурочился к обряду посвящения в рыцари. французский обычай проник с течением времени и в другие страны, но первоначальный обряд посвящения в рыцарский сан за пределами Франции отличался совершенной простотой. Так напр., в Германии важнейшим моментом этого обряда было опоясывание нового рыцаря мечом, который торжественно благословлялся священником. Опоясывал рыцаря или местный сеньор, или даже вновь посвящаемый опоясывался собственноручно. Тот же сеньор подавал ему щит и копье, и все это несложное торжество заканчивалось турниром. В Англии еще в XII веке была та же простота. Годфрид Плантагенет, возведенный в рыцарский сан Генрихом I, принял ванну, надел великолепную одежду, принял в подарок рыцарское вооружение и сейчас же пошел показывать свою силу, уже в качестве нового рыцаря. Впрочем, и во Франции сложный и поэтический обычай рыцарского посвящения появился не сразу, а выработался постепенно, в течение столетий.

Но обратимся к нашему юноше. Он бодро вынес испытание. Сон ни разу не смежил его глаз. Он устоял против соблазна присесть на ступенях алтаря. Он все еще стоит пред алтарем в своем длинном белоснежном одеянии. В глубоких оконных амбразурах забрезжилась дневной свет; засветились разноцветные стекла оконных рам. Все больше и больше света вторгается в храм, мрак уступает место свету, тени убегают в углы. Вот она — благодатная заря вожделенного дня! За стенами храма, среди

зелени, омытой росой, запели птицы; солнце взошло... Загремел дверной засов. В церковь вошли люди.

Церковь наполнилась родными и знакомыми вновь посвящаемого. Приехал сам епископ — особенная честь для нашего барона. Сам епископ благословит сегодня меч нового рыцаря. Как богаты, как пестры наряды собравшихся! Каким весельем озарены их лица! Вот понеслись звуки органа; началась месса. Благоговейно выслушал ее вновь посвящаемый, бла-

гоговейно приобщился. Наконец наступили торжественные минуты благословения меча. Вновь посвящаемый приблизился к епископу; перевязь с мечом надета у него на шее. Епископ снял меч и громко прочитал следующую молитву: „Пресвятый Господи, Отец всемогущий, Боже вечный, Единый, всем повелевающий и всем располагающей! Чтобы подавлять злобу нечестивых и защищать справедливость, спасительным благоволением Своим Ты дозволил людям пользоваться мечом на земле. Устами Святого Иоанна Ты сказал воинам, приходившим искать его в пустыне, чтобы они никого не обижали, не клеве-

тали ни на кого, но довольствовались жалованием своим. Господи! мы смиренно прибегаем с молитвой к милосердию Твоему. Ты дал рабу Своему Давиду силу победить Голиафа, Иуде Маккавею — восторжествовать над народами, не признававшими Тебя; так же и рабу Своему, сегодня преклоняющему главу свою под ярмо военной службы, сообщи силу и отвагу на защиту

веры и справедливости, приумножь в нем веру, надежду и любовь. Дай ему все вкупе — и страх Твой, и любовь Твою, смирение и твердость, послушание и терпение. Устрой все так, дабы ни сим мечом, ни иным он не ранил никого несправедливо, но употреблял его на защиту всего истинного и правого". После этого епископ снова надел на шею молодого

рыцаря уже освященный меч со словами: „прими меч сей во имя Отца и Сына и Святого Духа, употребляй его на свою защиту и на защиту святой Церкви Божией, на поражение врагов Креста Господня и веры христианской и, насколько возможно то для немощности человеческой, не поражай им несправедливо“. Молодой рыцарь, на коленях слушающий как молитву, так и слова епископа, поднялся на ноги, взял свой

меч, широко размахнулся им, как бы поражая невидимых врагов Христовой веры, затем отер его о левую руку и снова вложил в ножны. После этого епископ поцеловал нового воина со словами: „мир тебе“. А молодой человек с мечом на шее направился к сеньору своего отца. Это — его восприемник. Молодой человек вручил ему меч. Восприемник спросил его: „с каким намерением желаешь ты вступить в рыцарское общество?“ Вновь посвящаемый отвечал ему согласно со словами, которые были про-

изнесены незадолго до того времени епископом. Тут же он принес клятву в верности ему, как своему сюзеру. Тогда, по приказанию последнего, началось облачение его в рыцарские доспехи, Этим делом занялись рыцари, им помогали дамы и молодые девушки. Сперва прикрепили ему левую шпору, затем правую, надели кольчугу, а после всего опоясали его мечом (рис. на стр. 26 изображает посвящение в рыцари Св. Мартина). Когда новый рыцарь был облечен в доспехи (*adoubé*), он скромно опустился на колени перед своим восприемником. Тогда последний поднялся с своего места и своим обнаженным мечом, держа его плашмя, три раза коснулся плеча вновь посвященного, произнося при этом: „во имя Божие, во имя Святого Михаила и Святого Георгия, я делаю тебя рыцарем, будь храбр и честен" *). После этого молодому рыцарю поднесли шлем, щит и копье. Сопровождаемый всеми присутствующими в храме, он вышел из него. Собравшийся перед церковью народ приветствовал нового рыцаря громкими восклицаниями. Теперь настало время показать свою ловкость и силу. С этой целью невдалеке от церкви уже заранее установлен на вращающемся столбе довольно грубый манекен рыцаря (*la quintaine*), покрытый вооружением. Наш рыцарь, при всеобщих одобрениях, не коснувшись ногою стремени, вскочил на своего рыцарского коня и, погарцовавши на площади, помчался в сторону манекена. Метким и сильным ударом он сбил и рассыпал мишень. Гром рукоплесканий заглушил шум от разлетевшегося в сторону и даже поломавшегося оружия, которое было искусно прикреплено к манекену. Пора нашему рыцарю отдох-

*) Помешенный в самом начале настоящей книги рисунок, изображающий посвящение в рыцари короля Франциска I, заимствован нами из редкой теперь работы Gassier (*Histoire de la chevalerie française*, Paris, 1814).

нуть. В сопровождении родных и гостей он поехал в замок своего отца.

Рыцарство привнесло в средневековую жизнь иные принципы, прямо противоположные тем, которыми руководились представители господствующего класса до его появления. И до его появления были отдельные лица, руководившие ими: около тысячелетия прошло уже с тех пор, как эти великие принципы были торжественно провозглашены в Земле Обетованной. Но лица эти составляли едва заметное меньшинство. Церковь воспользовалась благодетельным общественным переворотом и взяла молодое учреждение под свое непосредственное покровительство. Совершилось приспособление учения Христа к местным и временным условиям, среди которых жили люди.

Внутренность замка.

редупредим молодого рыцаря, его семью, его гостей и проникнем раньше их в главнейшие части замка. С его внешним видом, с его планом мы уже ознакомились, теперь поднимемся по каменной лестнице палаты и постараемся, пока не набралось в ней народа, хорошенько рассмотреть главную, большую залу (la grand' salle, der Saal). Против ожидания, вы не сразу проникаете в нее с верхней площадки каменной лестницы. Пройдя главные двери, мы вошли с вами в обширный коридор, который протянулся вдоль всего главного фасада здания. Это — светлая галерея (Liew или Loube, loge, loggia), свет обильно проникает в нее через большие окна. В стене, противоположной окнам, находятся двери: одна из них ведет в главную залу. Войдем в нее. Как мрачна зала! Вот первое наше впечатление. Да как же и не быть ей мрачной? При обширных сво-

их размерах, при толщине стены (от 8 до 10 футов), при небольшом количестве узких окон, представляющих собой глубокие ниши, при цветных стеклах, задерживающих дневной свет, совершенно понятна эта мрачность. Главная цель обитателей замка — устроиться возможно безопаснее: вот почему его внутренние помещения представляли так мало удобства, комфорта. Однако, нельзя сказать, чтобы и в те времена, по преимуществу военные, люди совершенно не заботились об удобствах или о красоте. Рассматривая

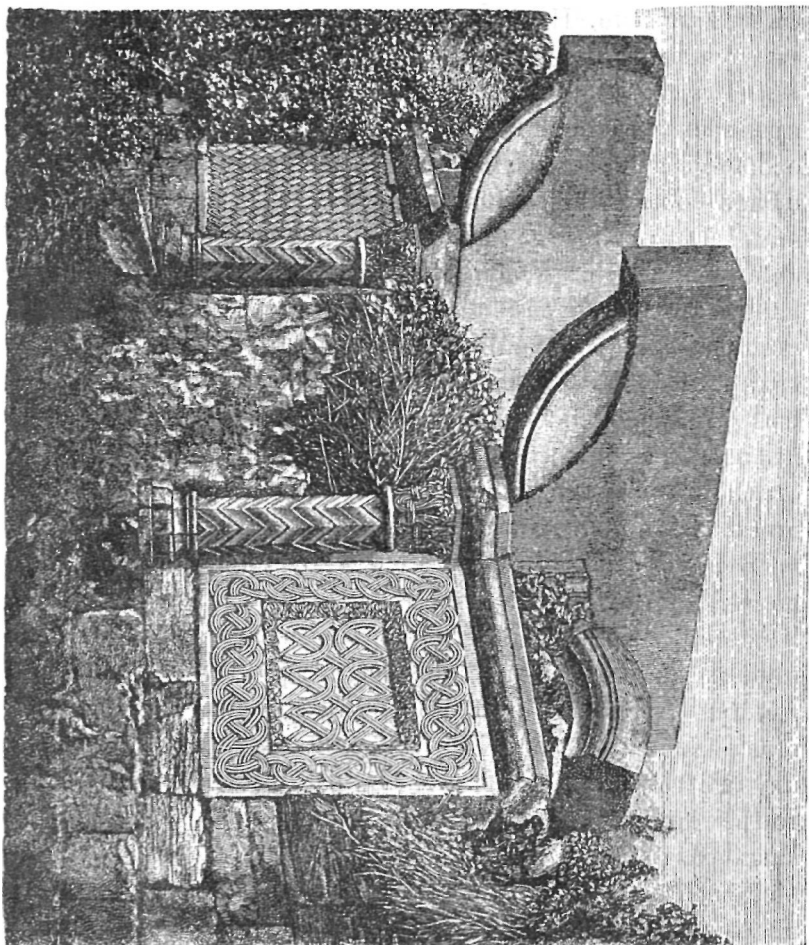
внутренность замка, мы увидим следы этих забот. Только эти заботы стояли, так сказать, на последнем плане.

Пол нашей залы каменный, но не одноцветный: он составлен из разноцветных плит, правильно чередующихся между собою и несколько ослабляющих то впечатление мрачности, которое мы испытали при входе в залу. Сегодня, сверх того, на нем разбросаны древесные ветви и цветы, между последними — розы и лилии, в виду предстоящего пира. Но не будем забегать вперед. Вся зала разделена на три отделения колоннами с причудливыми капителями. Потолок плоский; поперек его идут ряды балок, частью расписанных разноцветными красками. Каменные стены залы выбелены и местами расписаны водяными красками, местами увешаны рогами, щитами, копьями. Фрески грубы, перспективы нет и следа, краски однообразны. Сегодня, по причине торжества, по стенам развешаны ковры; на последних изобра-

жены роши с животными, герои древней истории, герои и героини рыцарской поэзии. По середине комнаты — громадный дубовый стол, покрытый скатертью. На нем — ложки, ножи и сосуды из золота и серебра. Вокруг него, как и вообще по стенам залы, — скамьи с подушками. На одном конце его — большое кресло с ручками, под шелковым балдахином. Обыкновенно здесь сидит владелец замка, а сегодня оно предназначается для сеньора нашего владельца. Но особенно нашего внимания заслуживает камин. Это — целое сооружение. Помещается он между двумя окнами. Основанием его внешней части служат прямые колонны почти в человеческий рост; над ними выдается довольно далеко вперед каменный колпак, постепенно суживающийся, по мере приближения к потолку. Колпак расписан изображениями на сюжеты из рыцарской поэзии. О размерах каминов в средневековых замках можно составить себе некоторое представление из следующего рассказа, который мы находим у французского хрониста Фроассара. Из всех дворов богатых владетелей в XIV в. особенно славился двор графа Фуа. Его обширные замковые помещения были всегда переполнены рыцарями. Дело происходило во время святок. День был холодный; рыцари грелись, сидя перед камином. В залу вошел сам граф. „Как холодно, — сказал он — а в камине так мало огня!" Один из рыцарей, Эрнотон, стоял у окна залы, посматривая на двор, и как раз увидел входящих во двор замка ослов, нагруженных дровами. Не долго думая, отличавшийся необыкновенной силой рыцарь спустился во двор, схватил самого большого из ослов, нагруженных дровами, взвалил эту ношу себе на плечи, поднялся с нею в залу, растолкал здесь рыцарей и, пробравшись к камину, бросил в огонь осла с дровами, чем возбудил смех и удивление всего общества. Мы

еще будем иметь случай посидеть вместе с семьей нашего барона у этого же самого, но уже пылающего камина, в суровый осенний вечер, когда буря будет завывать и носиться вокруг замка, а теперь восполь-

Развалины камина в императорском дворце в Гельнгаузене (в Гессен-Кассели);-

зуемся временем и заглянем в другие комнаты, благо нам никто не мешает: все в кладовых, в кухне, на дворе, за воротами — в ожидании блестящего поезда.

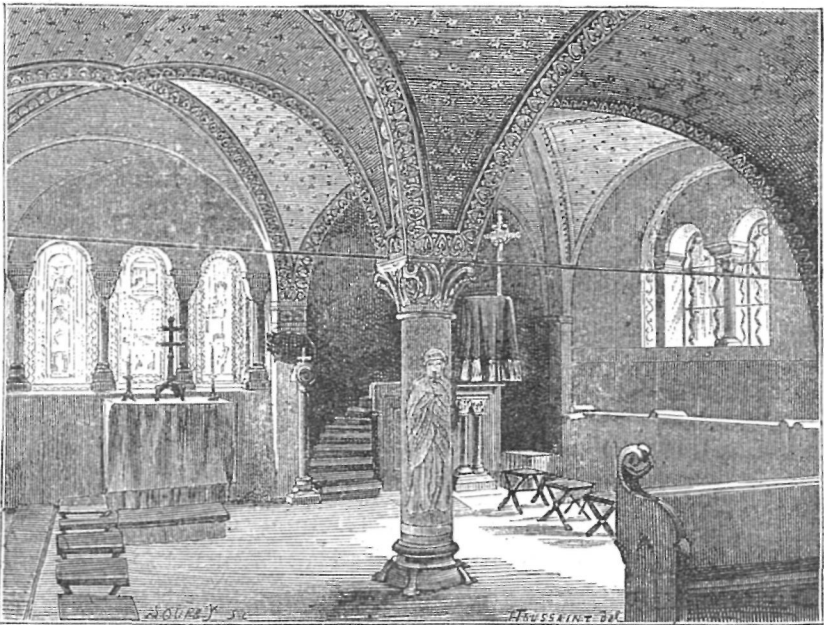
По сторонам главной залы находятся еще подобные ей, но гораздо меньших размеров. Там нечего смотреть. Поднимемся по этой каменной круглой лестнице в верхний этаж: там расположены жилые помещения. Из них заслуживает наибольшего внимания только спальня. И она освещается дневным светом очень скудно; он проникает с трудом сквозь цветное стекло, да и глубокая ниша служит большою помехой. Здесь два таких окна, а между ними — камин, такой же формы, как в большой зале, но меньших размеров. Стены здесь также раскрашены, покрыты картинами, а сегодня, как и внизу, коврами. При входе в эту комнату бросается в глаза низкая, но широкая постель. Она поставлена изголовьем к стене. Высоко поднимаются шитые шелками подушки. Занавесы, передвигающиеся на железных прутьях, совершенно отдернуты. Резко выделяется богатое горностаевое одеяло. С обеих сторон у самой постели брошены на каменном узорчатом полу звериные шкуры. Тут же — большой канделябр с толстой восковой свечой и горизонтальный стержень (*la perche, der Ric*), укрепленный на двух других, вертикальных, и предназначенный для того, чтобы вешать снимаемое на ночь платье и белье. Вблизи постели на подставке, прикрепленной к стене, стоит довольно грубо сделанное изображение святого, патрона замковладельца. Вдоль стен расставлены скамьи с подушками, кресла, кое-где прямо на полу разбросаны подушки, предназначенные для сиденья. На полу у стены стоят несколько запертых ящиков, в которых хранится белье и одежда. Некоторые из них богато разукрашены. На столе, недалеко от камина, стоят два интересных предмета; это — небольшие ящички, один круглый — из бронзы, другой четырехугольный — из слоновой кости. Круглый открыт, и в нем помещается зеркало в резной деревянной раме. Но особенно ин-

тересен второй, закрытый ящичек. Его резьба изображает лес, на деревьях поют птицы, а под деревьями конные охотники преследуют какого-то зверя. Там, вероятно, хранятся драгоценные украшения: серьги, перстни с драгоценными камнями, браслеты и кольцо. До нашего времени сохранились подобные ящички, и они вместе с рыцарскими поэмами, с миниатюрами в средневековых рукописях, с мемуарами и с развалинами замков служат источником для восстановления перед умственным взором образованного человека того рыцарского общества, которое уже давным-давно отошло в вечность.

После того, как вы ознакомились с главной залой и со спальней, другие комнаты — *кеменаты* (кеменатен), как назывались они в Германии (по латыни *caminatae*, т. е. отапливаемые печами, каминами), не могут представить вашему вниманию ничего нового.

В заключение нашего обзора посетим замковую капеллу и проникнем тайком в замковую темницу. Капелле, как вы, вероятно, помните, отведено в замке нашего барона особое здание на первом дворе. В других замках она помещается в жилом здании, рядом с главной залой. Но, где бы ни помещалась она, без нее обитателям замка обойтись невозможно. При своем посвящении в рыцарское звание каждый посвящаемый давал обет ежедневно присутствовать на божественной службе. Вот и первая необходимость иметь капеллу здесь же, под рукой. Но капелла немислима без священника, без капеллана, вот почему последний — лицо необходимое в среде обитателей средневекового замка. Ведь не ехать же всякий раз за священником в ближайшую церковь, тем более, что и ближайшая церковь отстоит от замка довольно далеко. С другой стороны, представьте осаду замка неприятелем — явление самое обыкновенное в те суровые времена, ведь тогда без капеллы хозяева замка и все

его многолюдное население были бы совершенно отрезаны от церкви, лишены утешения, доставляемого молитвой, словом Божиим, лишены возможности приобщиться святых Таин. Кроме того, капеллан нередко играет роль домашнего секретаря: он читает и пишет, по поручению хозяев, письма. Наконец, он наставляет в правилах веры молодое поколение. Вот почему без капеллы и капеллана немислим был ни один порядочный замок.

Но будем продолжать осмотр. Наша капелла очень незатейлива. Прямоугольная комната, освещаемая несколькими полукруглыми окнами с цветными стеклами, с изображениями святых, заканчивается полукруглой нишей; в нише — алтарь с самыми необходимыми предметами: распятием, Евангелием, дарохранительницей, свечами...

От этого места, где ежедневно произносятся возвышенные слова любви и мира, перенесемся воображе-

нием в другое место, где раздаются иногда проклятия и страшные стоны. Мы — в темнице, под главной замковой башней. Темный, круглый подвал со сводом. На верху свода — отверстие, через которое спускают сюда преступника. Через скудные отдушины скудно входит в это ужасное место свежий воздух. Удушливый воздух, грязь, всякие гады, а иногда и подпочвенная вода, внезапно прорвавшая себе дорогу, грозят здоровью и жизни несчастного узника, которому суждено спуститься под этот мрачный свод. Прочь, прочь отсюда, на свежий, вольный воздух, где солнце светит, где плывут облака, где птицы поют свои беззаботные пени!

С вершины башни понеслись звуки рога, послышалась откуда-то музыка, пение, приветственные крики. Молодой рыцарь подъезжает к своему дому, с ним — родные и гости.

Пир.

Прежде чем изобразить вам картину пира в большом средневековом замке, я должен сказать, что последний представлял собой дворец в миниатюре. Как барона, так и баронессу окружал целый штат прислуги. Этот штат увеличивался и развивался, конечно, постепенно. Мы уже оставляем в сторон пажей и оруженосцев, которые были благородного происхождения. Кроме них, был целый ряд должностных лиц, которым поручалась та или другая часть замкового хозяйства. Одно перечисление их заняло бы довольно много места. Мы обратим внимание только на главнейших из них. Первое место в придворном штате средневекового барона занимал *сенешал* (le seneschal), главной заботой которого был стол барона; он заведывал провиантом и имел общий надзор за кухней, „руководил кухон-

ным департаментом". *Маршал* (le marechal, der Marschalk) заведывал конюшнями, палатками, всякой перевозкой. В ведении *шамбеллана* или *камергера* (le chambrier, der Kämmerer) находились комнаты и домашняя утварь. Погребами и кладовыми с винами, пивом и медами заведывал *стольник* (dapifer, le bouteiller, der Truchsess). Особое должностное лицо закупало провизию. Ниже их стояли сержанты, гарсоны (и в Германии употреблялось испорченное французское название Garzune), псары и др. Даме прислуживали каммерфрау (pucelles, Kammerfrauen), бывшие благородного происхождения и несшие свою службу добровольно, как пажи и оруженосцы. Главным же образом уход за госпожой составлял обязанность горничных (chambrières, Dienerinnen). Теперь, после некоторого знакомства с многочисленным замковым штатом, и картина пира будет отчетливее.

Загрели рога, призывают к парадному обеду. Каким шумом наполнилась пустынная до того времени главная зала замка! Как оживилось сразу её подавляющее однообразие! Мы — как будто совершенно в другом помещении, как будто и не были здесь раньше. Вот, они входят, разодетые гости и гостьи. Одежды кавалеров и дам различаются между собою немного: сходство поразительное! Только дамский костюм ниспадает до самого пола, располагаясь красивыми складками, а мужской — значительно короче; только дамские рукава необычайно широки, и нижние концы их очень длинны, а мужские — плотно охватывают руку и доходят до кисти. Разноцветный шелк, мех, галуны и драгоценные камни — у тех и других. Особенно богаты пояса. У дам концы поясов ниспадают почти до низу и обильно украшены топазами, агатами и др. камнями. Волосы дам тщательно причесаны и заплетены в тяжелые косы (кое у кого с примесью фальшивых волос), перевитые цветными лентами и зо-

лотыми нитями. (В то время не только носили шиньоны, но умели красить волосы; были известны и румяна). Волосы у мужчин ниспадают до плеч, у некоторых из них бороды достигают довольно больших размеров. Но короткая борода вообще преобладает; встречаются даже и совсем бритые подбородки. У многих из присутствующих, особенно у дам, головы украшены золотыми обручами, на которых сияют драгоценные камни. Блеск золота, серебра и драгоценных камней, приятное сочетание цветных материй, среди которых преобладают синий и красный цвета различных оттенков, необычайно оживляют картину, развертывающуюся перед нашими глазами. Все блестящее общество направляется к громадному столу, покрытому узорною белою скатертью. Бросая беглый взгляд на сервировку стола, мы с некоторым изумлением замечаем отсутствие предмета, по нашим понятиям, безусловно необходи-

мого, а именно — вилок. Последние стали входить в употребление только с самого конца XIII века. Каждый прибор состоит из ножа, ложки и серебряного, кое-где и золотого кубка. Есть кубки на двух персон. Но особенно выделяется сосуд для питья, поставленный перед местом самого знатного гостя. Этот сосуд имеет форму корабля. Сам корабль, наполняемый вином, помещается на ножке. Над палубой его возвышаются мачты, надуваются паруса, вьются флаги и вымпелы. Корабль сделан из серебра, местами позолоченного. Снасти устроены так, что перед питьем снимаются. Для каждого присутствующего

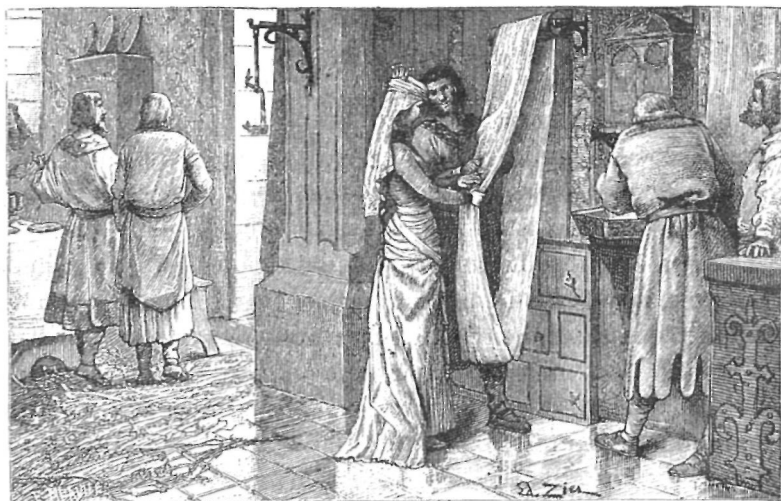

шего, у его прибора, заблаговременно положены на столе белые хлеба. Кроме того, на столе расставлены большие металлические кувшины с вином, чаши с крышками и без крышек, солонки, соусники. На солонках встречаются надписи. Особенно хороша одна:

„Cum sis in mensa,
primo de paupere pensa:
cum pascis eum,
pascis, amice, Deum”.

(когда ты за столом, прежде всего подумай о бедняке: кормя его, ты кормишь, друг, Бога). Наше общество шумно расселось, по степеням знатности, на скамьях, окружающих стол. Местничество далеко не представляет собою исключительно *русского* явления. На главном месте, под балдахинном, расположился сюзерен нашего барона, удостоивший последнего своим визитом в сегодняшний, великий для барона день. Только что расселись за столом гости нашего барона, в залу вошли прислужники; в их руках — кувшины с водой, на шеях накинута полотенца. Умывание рук перед обедом, при отсутствии вилок, имеет конечно, особенное значение. Что касается самых кушаньев, необходимо заметить, что в то время ни супа, ни бульона не существовало, начинали прямо с мяса. Так напр., сегодня на первое блюдо разносится жареный олень; он разрезан на куски и сильно приправлен горячим перцовым соусом. Второе блюдо так же сытно, как и первое, это — жареный кабан под тем же соусом. За ним внесены жареные павлины и лебеди. В то время, как одни прислужники и оруженосцы разносят кушанья, другие обходят стол с кувшинами и наливают в кубки вино. Потом отведываются зайцы и кролики, всевозможные птицы, пироги с мясной начинкой и рыба. Вот принесены яблоки, гранаты, финики. Но, что должно воз-

будить наше удивление, в самом конце обеда уже насытившиеся рыцари снова обращаются к тем же пряностям, которыми в изобилии были приправлены все мясные блюда. Перец, мускатный орех, гвоздика, имбирь, все это употребляется ими с особенным удовольствием. Говорят, что это делалось ими для возбуждения и поддержания жажды, а последняя побуждала их к большому потреблению вина. Но все эти приправы, может быть, были просто необходимы при

тех тяжелых блюдах, из которых состояли званные обеды, подобные сегодняшнему. Вина также приправлены разными пряностями и представляют собой подобие каких-то микстур. Любопытны некоторые наставления для гостей, написанные одним из средневековых писателей, например: гости должны быть скромны и довольны тем, что им предложено; они не должны есть двумя руками; не следует ни пить, ни говорить с набитым ртом; не обращай к соседу с просьбой об одолжении кубка, если видишь, что сам он еще не допил его и т. п. По нашим

понятиям, наставлениям этим — место в юмористическом листке; время автора было иное, и он писал их совершенно серьезно.

Но и в то, далекое от нас и, сравнительно, грубое время, обедавая и предаваясь излишнему употреблению вина, люди чувствовали какую-то инстинктивную потребность в чем-то высшем и лучшем. Спасительницей загрубевшего общества была великая зиждительная сила поэзии. Она пробуждала в загрубелых, но все же человеческих сердцах, бившихся под железными панцирями, лучшие, благородные, истинно человеческие чувства.

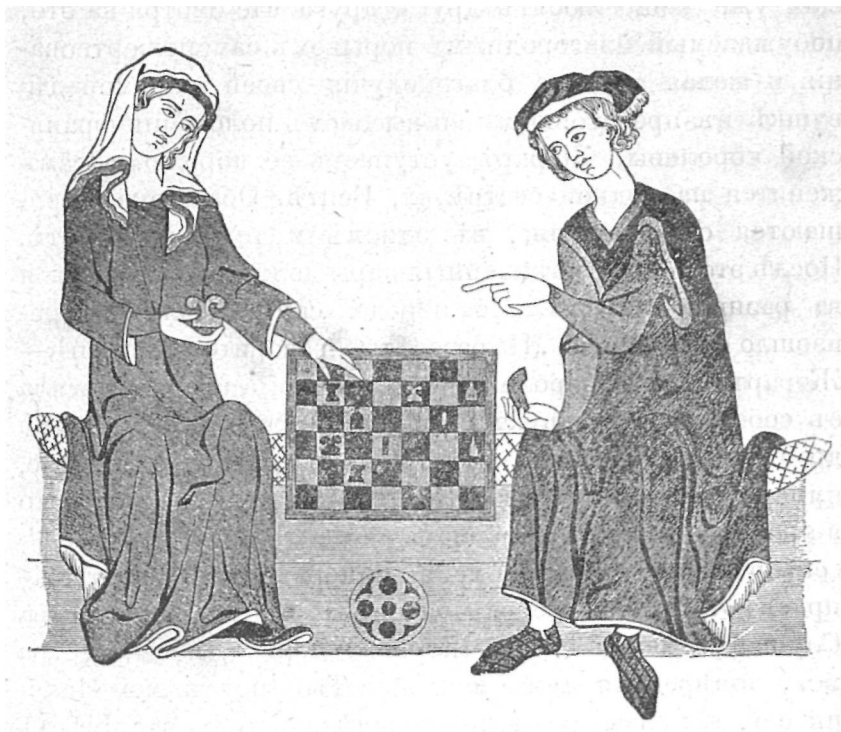
Необходимую принадлежность пира, подобного сегодняшнему, составляли музыка и пение. Взгляните на небольшую группу людей, расположившуюся в том углу залы. Это — *жонглеры*, странствующие музыканты и певцы. Их десять человек. Здесь и арфа, любимейший музыкальный инструмент в средние века, и гусли (*psalterion* — треугольный ящик с отверстием посреди, с натянутыми струнами), и лютня, и подобие скрипки (*die Fiedel*, *la vielle*) и друг, струнные инструменты. Одетые в длинное, ниспадающее почти до самой обуви платье, жонглеры усердно исполняют одну пьесу за другою. Музыка чередуется с пением или сливается с ним. Из среды жонглеров выделяется особенно один своим более серьезным видом. Это — певец исторических песен (*jongleur de geste*). Он поет о

подвигах святых, о подвигах рыцарей. Его очередь еще не пришла. Он будет петь потом, после обеда. Теперь же на смену музыке появились акробаты; это — остаток от римских обычаев, унаследованный новыми народностями Западной Европы. Один из них встал на шар; стоя на нем и подталкивая его ногами, он начал кружиться по зале. Другой заходил на руках. Двое из них подняли обруч, а третий стал с разбега прыгать в него. Некоторые из них замечательно искусно подражают пению соловья, крику павлина, серны. Нашелся и фокусник, который поглащал огонь и снова извергал его изо рта. Среди подобных забав обед приблизился к концу. В самом конце его каждый из присутствующих пропел какую-нибудь пенью. Затем снова вошли прислужники с водой, и, по окончании безусловно необходимого ручкомытья, все общество повставало из-за стола. Все разбрелись, кто — куда. Группа гостей собралась в соседней комнат вокруг хозяйки, которая раздает им на память недорогие подарки — кушаки, застежки и т. под. предметы. Полюбовались на дворе на борьбу двух медведей и вдоволь насмеялись над их неповоротливыми и смешными движениями. Впрочем, потеха кончилась тем, что противники угрожали не на шутку перекусаться, почему и пришлось их развести. Молодежь устроила игры на открытом воздухе. Потом принялись за любимое занятие, за танцы. Тогдашние танцы походили на хороводы и сопровождались пением участвующих лиц. В это же время образовались группы для игры в шашки, в кости, в шахматы. Игра в шахматы считалась благороднейшей в ряду других игр, ей подобных. Обратите внимание на размеры шахматной доски и материал, из которого она сделана. Она сделана из слоновой кости, и рыцарь, в случае нужды, мог смело пользоваться ей, как щитом. Бывают доски из серебра и даже золота. Фи-

гуры сделаны из слоновой кости и черного дерева; они отличаются большими размерами.

Но вот наступают сумерки, и хозяин замка приглашает присутствующих послушать певца исторических песен. Большинство спешит на призыв и собирается в той же зале, где был обед. Все смолкло

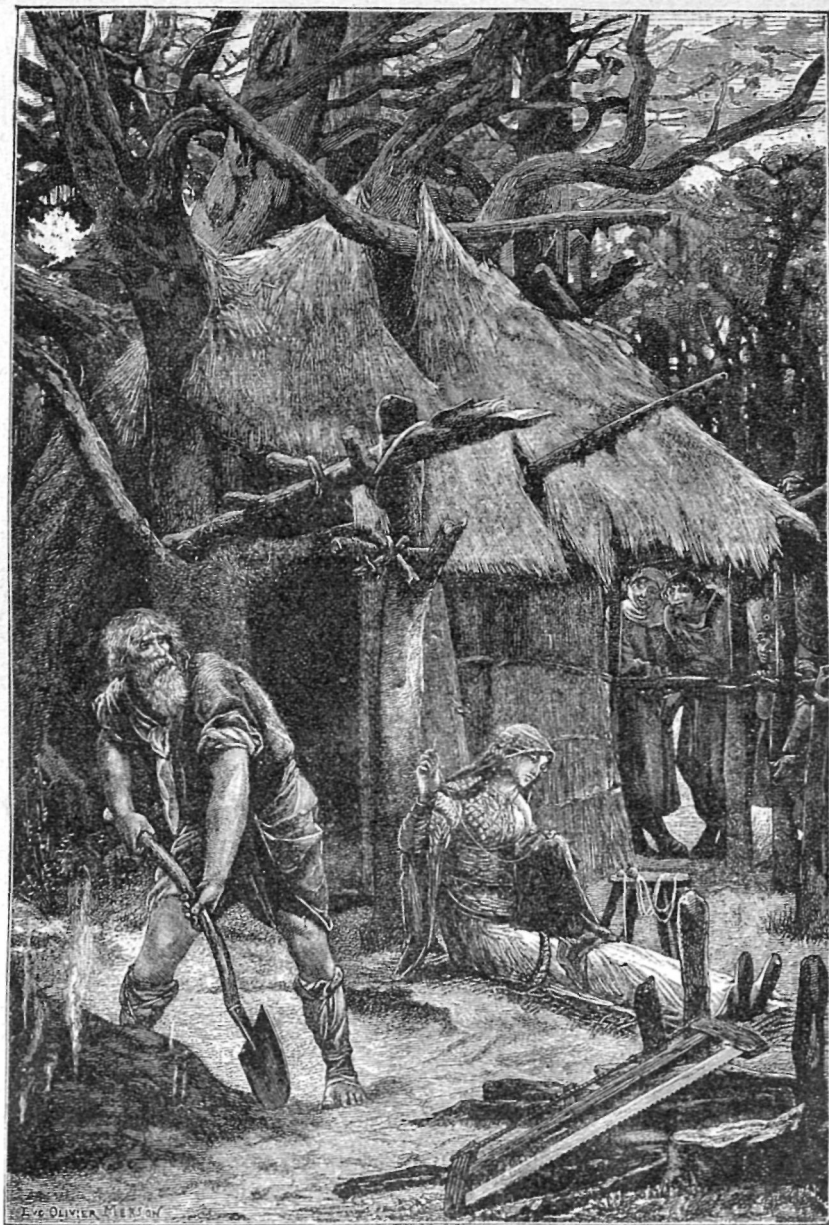
в зале. Певец выступил вперед, откинул на плечи свои роскошные кудрявые волосы, приложил к подбородку нижний конец своего любимого инструмента (*la vielle*), провел смычком по его струнам и, после короткого вступления, запел... Вам, может быть, не совсем понятно, о чем он поет. Позвольте пересказать вам содержание его песни. Узнав содержание этой песни, вы несколько ознакомитесь с характером тех исторических песен, которые были так любимы средневековыми рыцарями.

Предметом песни служит судьба Жерара Русильонского (Gerard или Girard de Roussillon). Король франков Карл (певец зовет его Карлом Мартелом, вместо того, чтобы называть его Карлом Лысым) полюбил некую принцессу, родственницу византийского императора. Между тем, принцесса и граф Русильонский уже давно любят друг друга. Не смотря на это, побуждаемый благородным порывом самопожертвования и желая всякого благополучия своей любимой девушки в предстоящем ей высоком положении франкской королевы, Жерар уступает ее королю, а сам женится на родной сестре её, Берте. Оба брака совершаются одновременно, в одном и том же месте. После этого обе повенчанные пары должны разъехаться в разные стороны. Но перед самой разлукой произошло следующее. „На рассвете — говорится в песне — Жерар отвел королеву под дерево, а королева взяла с собой туда же двух графов (бывших преданными друзьями её) и Бертю, сестру свою. „Что вы скажете, императрица, — спросил Жерар — по поводу того, что я променял вас на предмет менее ценный?“ — Правда, сеньор, вы сделали меня императрицей; но также правда и то, что сестра моя — предмет высокой цены. Слушайте меня, графы Жервэ и Бертлэ, и вы, сестра моя, поверенная дум моих, и Ты, Иисус, мой Искупитель, я призываю вас в свидетели того, что вместе с этим перстнем я навсегда отдаю любовь свою Жерару и что я делаю его своим сенешалом и кавалером. Я свидетельствую перед всеми вами, что люблю его боле, чем отца, чем своего супруга, и, видя его отъезжающим отсюда, я не могу удержать своих слез”. — С этого времени душевная любовь Жерара и королевы не прекращалась до самой смерти. Между тем, Карл, вообще недолюбливавший Жерара и завидовавший его богатствам и обширнейшим землям, задумал отнять от него на первый раз крепкий за-

мок Руссильонский. Конечно, Жерар стал защищать его. Отсюда возгорелась между ними продолжительная борьба. Частности этой борьбы не могут интересовать вас, а потому мы и пропустим их. Дело кончилось тем, что Карл все-таки победил Жерара. Последний понес такое поражение, от которого не мог оправиться. Изменник передал его замок королю. Сам Жерар едва спасся с небольшим числом раненых рыцарей. Эти рыцари во время бегства умирают друг за другом, кроме одного, да и последний ранен смертельно. Потеря всего, изгнание — вот судьба Жерара. Но печальную участь его решила разделить с ним верная его супруга Берта. В самом начале своего странствования, которому суждено было продолжаться многие годы, супруги испытали новое горе: разбойники увели их коней и унесли все оружие Жерара. Но последний долго не смирялся духом. Его сердце пылало мщением. Он стремился добраться до Венгрии и там найти себе помощь. Долго один благочестивый отшельник, поселившийся в том лесу, через который проходили несчастные изгнанники, убеждал Жерара смириться и раскаяться. „Я покаюсь тогда, — отвечал Жерар — когда убью Карла. Только бы найти мне копьё и щит!" Речи отшельника и благодатное влияние добродетельной Берты одержали верх над непокорным духом Жерара. Много горьких минут пришлось пережить ему. Раз повстречались с нашими изгнанниками торговцы, возвращавшиеся из Венгрии и Баварии. „Что нового в здешних местах? спросили они у Жерара. Что подельывает проклятый Жерар Руссильонский?" — Он умер, он похоронен, его убил император Карл, — поторопилась ответить Берта, не без основания испугавшись вопроса. „Слава Богу! отвечали купцы. Живи он, все бы продолжалась война да опустошенье". В другой раз наши изгнанники пришли в один городок, население которого состояло

лишь из детей и женщин. Матери потеряли своих сыновей, жены мужей, дети отцов, а виной всему — Жерар Руссильонский и его бесконечные войны. Да будет он проклят! В довершение бедствий Карл рассылает повсюду гонцов. Они предлагают от королевского имени золото и серебро в таком количестве, которое по весу в семь раз превышает вес Жерара, тому, кто приведет Жерара к королю. Гонимый повсюду суровой судьбой Жерар находит убежище у угольщиков в лесу. Он поступает к ним в услужение и продает в ближайшем городке добываемый ими уголь. Его жена Берта занимается в том же городке шитьем. Так проходит много времени, целых двадцать два года! Одно обстоятельство повлияло на перемену, которая произошла в их судьбе. Два сильных сеньора устроили вблизи того места, где пребывали наши изгнанники, военные игры. Сюда стеклось множество рыцарей, стеклось также и все окрестное население, в том числе Жерар и Берта. Рыцари упражнялись в сбивании манекенов (*la quintaine*, см. очерк „посвящение в рыцари“) и всячески старались превзойти друг друга. При виде этого зрелища, в Берте пробудилось воспоминание о былом, о том времени, когда сам Жерар задавал подобные зрелища и всех превосходил своей силой и ловкостью. Жгучая боль охватила её сердце. Она почти без чувств упала на руки Жерару, смотревшему на рыцарскую потеху в бедной одежде угольщика, и горько заплакала. Может быть, в первый раз сознал в это мгновение Жерар всю глубину того самопожертвования, которое совершила его Берта. „Дорогая супруга! сказал он ей. Сердце твое истомилось. Вернись во Францию. Клянусь Богом и святыми Его, что ни ты, ни родители твои никогда более не увидите меня!“ — Сеньор, отвечала Берта, вы говорите по-детски. Богу угодно, чтобы я не покидала вас никогда, пока я живу. Я лучше

Жерар и Берта в лесу.

согласюсь сгореть заживо, чем расстаться с вами. О, сеньор! Не произносите более таких жестоких слов. — Тронутый этой речью Жерар молча прижал к сердцу свою верную подругу. Вскоре после этого, по её совету, Жерар отправился вместе с ней в Орлеан, где в ту пору находился король. Супруги пришли туда в Великий Четверг. В этот день должна была посетить церковь сама королева. Множество бедных пилигримов, нищих, калек собралось туда: королева собственноручно будет раздавать им платье и деньги. В эту толпу вмешался и Жерар в надежде увидеть королеву и открыться ей. Но священник, заметив могучую фигуру Жерара среди немощных и слабых, выгнал его из церкви. Горько было Жерару, но Берта успокоила его словами утешения и подала ему новый совет. — Не смущайтесь, сеньор, сказала она — сделайте то, что я вам посоветую. Завтра Великая Пятница: императрица придет одна помолиться в церкви. Подождите ее, а как только ее увидите, приблизьтесь к ней и представьте ей вот этот перстень; это тот самый перстень, который она дала вам когда-то в залог своей любви, в присутствии графа Жервэ. Вы отдали его мне, а я сохранила его, как сокровище, посреди всех наших невзгод". — Наступила Великая Пятница. Королева вошла в церковь босыми ногами и скрылась в отдаленном приделе, где не было ни души, кроме неё. Только одинокая лампада слабым светом своим озаряла ее. Тихими шагами направился в её мирное убежище Жерар и робко заговорил с нею. „Государыня! во имя любви Бога, Который творит чудеса, во имя любви тех святых, которым вы молитесь теперь здесь, во имя любви Жерара, который был вашим другом, я заклиная вас прийти ко мне на помощь". — „Бедняк, отвечала королева, что ты знаешь о Жераре, что сделалось с ним?" — „Королева, возразил Жерар, ответьте

мне сперва на один вопрос: что сделали бы вы с Жераром в том случае, если бы он снова был в вашей власти?" — "Бедняк, сказала королева, с твоей стороны большая дерзость — задавать мне подобные вопросы. Но, как бы то ни было, знай, что я отдала бы четыре города, чтобы только граф Жерар оставался в живых: ему были бы возвращены все земли и почести, которые он потерял". Тогда Жерар подал ей перстень и открылся. Королева внимательно взгляделась в Жерара и узнала его. Она позабыла — по словам древнего поэта — про Великую Пятницу и стала целовать Жерара. На время он был поручен попечениям священника, а потом королева примирила с ним короля. После нового столкновения с королем Жерар снова примирился с ним и мирно почил в своем Руссильонском замке. Тем и окончил певец свое сказание о Жераре Руссильонском.

Певец осыпан похвалами и щедро одарен. За его пеньем время пролетало незаметно. Зала озарилась свечами, поставленными в высокие канделябры. Снова суматоха: стол уставляется приборами для ужина. После ужина большинство гостей уехало. Хозяин проводил их до коней и осушил вместе с гостями последний кубок с пожеланием счастливого пути. Остальные расположились ночевать в гостеприимном замке. Вот все утихло. На дворе прохладно. Луна, как серебряный щит, сверкает на ясном небе. Теплятся звезды. Таинственный свет луны раскинул причудливые тени замковых укреплений. Загремели цепи: подъёмные мосты окончательно опущены. Караул обошел стену, бряцая своим оружием, прозвучали сигнальные трубы. Утомившийся сегодня шамбеллан принес усталому хозяину тяжелую связку ключей. И скоро все погрузилось в сон.

Охота на кабана.

Олодное осеннее утро. Солнце светит, но за-
слоняется по временам бесконечно следую-
щими друг за другом серебристо-белыми обла-
ками. Роса покрывает поле. Птичьи голоса не ожив-
ляют его. Лес поредел, и далеко разносится вет-
ром опадающая листва. Подъемные мосты у ворот
нашего замка давно опущены. На большом мосту и
около него — группа охотников, лошадей и собак.
Сегодня наш барон едет поохотиться: вчера в од-
ном из окрестных лесов его охотники открыли
кабана. Теперь они все в сборе и ждут только ба-
рона, чтобы пуститься в путь. Каждый из охотников
одет в короткий зеленый кафтан, плотно опоясан-
ный кожаным поясом. За этим поясом заткнут
нож (quenivet), и тут же помещаются огниво, трут
и кремень. Панталоны сшиты из толстой материи;
кроме того ноги защищены еще гамашами. Через плечо
у каждого из них перекинута перевязь с рогом;
особенно были распространены в то время рога из сло-
новой кости. На головах — невысокие шапочки, укра-
шенные у иных перьями. У седла заткнуты кривой
кинжал и нож для снятия шкуры с убитого жи-
вотного и потрошения его. Оттачивался этот нож о
камень (fusil), предназначенный для этой цели. Глав-
ное оружие, употребляемое в охоте на кабана, — рога-
тина; вот почему она и преобладает в данное время
перед другим родом оружия. Про всякий случай
взяты, конечно, и другое оружие: так напр., мы ви-
дим дротики, употребляемые против оленя, и луки,
которые были необходимы в охоте за мелкой дичью.
В ожидании господина охотники коротают время бол-
товней и шутками. Только на несколько минут омра-
чилось их веселое настроение, и вы будете, конечно,

удивлены, если я скажу, что виною такой перемены были никто иной, как ни в чем неповинные вороны. Вздумалось им устроить небольшой раут неподалеку от того места, где собрались наши охотники. Раут, как и всегда бывает у ворон, оказался порядочно шумным. Но дело не в этом шуме. Нервы этих здоровых людей вынесут какой угодно шум. Дело в том, что люди эти крайне суеверны и в присутствии злополучных ворон видят предзнаменование неудачи. Суеверием заражен и сам владелец замка; будь он теперь не у себя в комнате, он непременно подчинился бы тому же самому чувству, которое испытали его слуги. Он у себя, одевается. В этом занятии помогает ему и жена его, но сохрани Боже, если она, по рассеянности, подаст ему меч! Веселое настроение духа, в котором он находится теперь, сразу же изменится, потому что он убежден в неизбежности неудачи, если, при снаряжении на охоту, возьмет меч из рук женщины. А взять его с собой необходимо: рыцарь и на охоте не расстается ни с мечом, ни со шлемом. Но вот, он готов и направляется к ожидающим его охотникам. Скоро все садятся на коней, отъезжают и скрываются в ближайшем лесу. И мы последуем за ними.

Охота началась с того, что совершенно неожиданно открыли след оленя, пустили по следу собак и скоро добрались до убежища животного. Молодой олень понесся вперед, собаки и охотники за ним. Он убежал бы от преследования, если бы стрела, удачно кем-то из присутствующих пущенная, не убила его наповал. Двое из охотников были оставлены на месте, чтобы разрезать оленя на части и отправить в замок. Остальные с собаками помчались вперед за кабаном. Все происшедшее после этого очень интересно рассказано в одном из рыцарских

романов, и мы не находим ничего лучшего, как передать все словами этого романа.

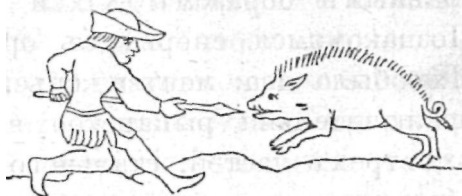
„У рыцаря была в руках дубина. Он ударил ей по кустарнику (в котором скрывался кабан), а охотники грянули в свои рога так громко и звонко, что весь лес отозвался на звонкие звуки рогов. Кабан, услышавший тревогу, немедленно выскочил из кустарника и обратился изо всей мочи в бегство. За ним понеслась большая и сильная борзая собака и нагнала кабана, который во время бегства успел спрятаться. Удалившись от остальных собак на расстояние полета стрелы, борзая снова преследует его и наконец хватает его за ухо. Она хочет удержать кабана, но последний ударяет ее своими клыками так сильно, что распарывает ей бок. Потом он кидается на нее, яростно схватывает ее зубами и ударяет о дубовый ствол; череп собаки разбивается в дребезги, а её внутренности выступают наружу. Тогда несутся на кабана другие собаки, желая поймать его, но он не дожидается их, а бежит так быстро, как только могут вынести его ноги. Вплотную гонятся за ним борзые, поспешно скачут сюда охотники; они хотят немедленно настичь его в лесу. Кабан увидел, что ему несдобровать. И вот, он вырвался из лесу и побежал к потоку. Рыцарь следует за ним, на сколько может, быстро; ему досадно, что кабан выбежал из лесу. Так он спешил, пока кабан не добежал до берега реки. Река очень глубокая. Бесстрашно прыгнул в нее кабан, думая, что теперь может быть спокоен. Не тут-то было: одна из борзых вспрыгнула ему на спину и вцепилась зубами в его затылок; другие собаки тотчас поспешили помочь своему товарищу, сильно нуждавшемуся в помощи. Но не успели еще они настичь кабана, как последний расправился с борзую и потопил ее. Остальные заметно испугались,

но не прекратили погони, а продолжали плыть за кабаном. Рыцарь и все, сопровождавшие его, сильно жалели о собаках, убитых кабаном, и бросились за кабаном в воду. В то время, как они плыли, стремясь достигнуть противоположного берега, кабан был уже далеко. Он все бежал вперед, а собаки гнались за ним. Однако, дело от этого вперед не продвинулось. Кабан бежал теперь по обширному полю, бежал без остановки, так что догнать его без особенных усилий было немислимо. Собаки гнались за ним изо всех сил, охотники торопили и шпорили своих коней, чтобы во время поспеть на помощь собакам. Кабан, уже утомленный, бежал сильной рысью. Одна из борзых прыгнула вперед и вцепилась кабану в ляшку. Кабан боится, так как чувствует себя пойманным, чувствует, что ему приходится остановиться. Тогда он схватывает собаку своими длинными и острыми клыками и кидает ее высоко в воздух. При падении на землю несчастная получает такой удар, что её мозг разлетается. Остальные собаки, хотя и видят это, но уже не боятся кабана, а сейчас же на него нападают. Кабан не дожидается больше нападения, но начинает колоть их куда попало. Рыцарь разгневался и поклялся, что не прекратит охоты, пока у него останется в живых хоть одна собака. Между тем кабан, так сказать, купается в собственном поту: так он измучился беготней. Но, не смотря на это, он снова пустился в галоп, повернул к реке, добежал до неё и бросился в воду. За ним бросились в беспорядке и собаки, и охотники. Они и не заметили кабана, пока не перебрались на другую сторону. Здесь они с усиленной поспешностью должны были продолжать гоньбу, так как кабан, не имевший охоты мешкать, пустился вперед. Все время следовали за ним собаки, уже порядком утомившиеся. Кабан теперь снова кинулся

в тот лес, из которого раньше выбежал. Охотники шпорили уже замученных гоньбою коней... Одна из собак забежала вперед и вцепилась кабану в грудь, думая этим способом задержать зверя. Кабан немедленно схватил ее зубами за кожу на шее и ударил собаку о куст так сильно, что у неё вылетели из головы оба глаза, и выступили внутренности... Рыцарь сильно раздражился, увидя еще растерзанную собаку. Из четырнадцати у него осталось теперь только десять, четверых умертвил кабан. Окольной тропинкой рыцарь обогнал кабана и заехал вперед него на расстояние выстрела из лука. С разинутой пастью неся на него кабан, а рыцарь, опершись о дуб, выставил вперед свою рогатину. Кабан, после своей продолжительной беготни, был совершенно ослеплен и усталостью, и яростью.

Он бежал прямо на рогатину, а рыцарь держал ее так, что она угодила кабану в плечо. Кабан с таким неистовством

наскочил на рогатину, что вогнал ее в свое тело, как бритву. Она проколола ему все внутренности; рукоятка сломалась пополам, а железо застряло в теле животного. Тогда кабан пал мертвым. Он уже не защищался более, и рыцарь мог теперь слезть с лошади. Тут подоспели утомленные, измученные охотники и от всего сердца возблагодарили Бога. Рыцарь взял в руку очень красивый нож с серебряной рукоятью и вскрыл кабана, совершенно залитого кровью. Быстро он справился с ним, все сделал согласно установленному обычаю и бросил собакам принадлежащую им долю — легкие и потроха. Каждая собака получила свою порцию, но, по причине большой усталости, пожирали брошенное только те, которые были очень голодны. Когда же они поели, рыцарь и его свита снова

сели на коней. Кабана взвалили на самого сильного коня. Так ехали по лесу рыцарь и его спутники, сильно утомленные"...

Как они должны были радоваться, когда перед ними обрисовались на фоне неба стены и укрепления родного замка, освещенные вечерними лучами осеннего солнца!

Рыцарское вооружение.

ставим не на долгое время живых людей, а поговорим о предметах бездушных, о предметах, составлявших рыцарское вооружение. И в этом вопросе мы ограничим свой интерес главным образом XII и отчасти XIII столетиями. Познакомимся сперва с оружием наступательным. Их было два: меч и копье. Меч в форме креста — исключительно рыцарское вооружение. Он состоит из трех частей; стального клинка, рукояти и дискообразного дополнения к последней на самом верху. В древнейшее время употреблялись клинки односторонние, а потом вошли в употребление обоюдоострые. На клинках вырезались различные надписи и фигуры. Надписывалось или имя меча (так как существовал обычай называть их по именам), или какое-либо краткое изречение. Фигуры делались различные: так, мы встречаем упоминание о мече, на клинке которого с одной стороны были изображены три креста, а с другой — три леопарда. Вырезанные надписи и фигуры обыкновенно покрывались позолотой. Из стран, приготовлявших мечи и вообще металлическое оружие, упоминаются различные места Франции, христианская Испания, Англия, Россия и Византия. Рукоять меча граничила с его клинком поперечной перекладиной, которая и придавала форму креста. Что

касается дискообразного придатка к рукояти, он нередко сообщал мечу характер святыни, так как туда помещались частицы св. мощей и вообще какие либо реликвии. Меч вкладывался обыкновенно в ножны, сделанные или из кожи, или из дерева, обитого богатой материей, или даже из золота. Ножны украшались и драгоценными камнями. — Рыцарь молился перед мечом, воткнувши его острием в землю, приносил клятву, положив руку на крестообразную рукоять его. Замечательный памятник средневековой поэзии — „Песнь о Роланде" — необыкновенно ярко и трогательно изображает перед нами ту горячую любовь, которую истинный рыцарь питал к своему мечу. Роланд, побежденный, не смотря на геройскую борьбу, врагами, смертельно раненый, думает о своем мече и говорит с ним, как с дорогим сердцу разумным существом. Не желая, чтобы его меч „Дюрандаль" достался в руки врагов, он с болью в сердце решает разбить его о скалу. Но меч крепок, он звенит, отскакивает от камня, отбивает куски гранита. Тогда рыцарь начинает оплакивать его.

„Как ты красив, как свят, мой меч булатный,
В твоей золотой, тяжелой рукояти
Хранятся мощи"...
„Не должен ты язычникам достаться;
Христов слуга тобой владеть лишь должен!"

Но вот силы Роланда слабеют.

„Почуял граф, что близок час кончины:
Чело и грудь объял смертельный холод...
Бежит Роланд, — и вот под сенью ели
На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч"¹⁾...

¹⁾ Перевод графа де Ла-Барта (песнь о Роланде, Спб. 1897).

На меч вообще смотрели, как на предмет священный. Да это и не будет удивлять нас, если мы вспомним, что каждый рыцарский меч предварительно освящался в церкви. Если рыцаря хоронили в церкви, меч клали на его гробницу. — Кроме меча употребляли еще короткий острый ножик или кинжал. Но как кинжал, так и бердыш не были настоящими рыцарскими оружиеми.

Другим наступательным оружием было копье. Последнее также состояло из трех частей; древка, железного наконечника и значка или флага. Древко достигало больших размеров, именно — до восьми футов, а впоследствии даже до пятнадцати. Приготовлялось оно из разных деревьев, но лучшим считалось сделанное из ясени. Древко обыкновенно красилось и преимущественно в зеленый или синий цвет. Внизу оно оканчивалось металлическим острием, которое легко втыкалось в землю. Железный наконечник копья чаще всего делался в форме ромба, как мы большей частью и представляем его себе, но бывали наконечники и в форме высокого конуса. Под наконечником тремя и более серебряными или позолоченными гвоздиками прибивался значек или флаг. Он достигал большой длины, спускаясь до самого рыцарского шлема, и заканчивался тремя длинными языками. Наиболее употребительные цвета его были зеленый, белый и синий. Иногда вместо флага прикреплялась длинная лента. Вот как описывается копье Роланда в упомянутом уже нами поэтическом произведении:

„Прекрасен граф,
 Ему к лицу доспехи боевые;
 В руках он держит острое копье,
 Играет им и к небу голубому
 Подъемлет он стальное острие;
 К копью значек привешен белоснежный,
 И от него до самых рук спадают
 Златые ленты“...

Значек не следует никоим образом смешивать со знаменем. Первый был общепринятым предметом, второе же составляло принадлежность только тех рыцарей, которые владели большими землями и приводили с собой на войну известное количество вооруженных людей. В XIII столетии и на флагах, и на знаменах появились гербы. Когда рыцарь шел, он нес свое копьё на правом плече; когда ехал, держал его вертикально; наконец, во время боя — горизонтально, над бедром, а позднее и под мышкой. Копьё было исключительно рыцарским оружием; оруженосец мог биться только со щитом и мечом (но не рыцарским). Иногда и копьё, подобно мечу, имело свое собственное имя.

Оборонительное вооружение составляли щит, кольчуга и шлем. До второй половины XI столетия употреблялись круглые щиты, а потом сделались общепринятыми щиты продолговатые, рассчитанные на то, чтобы прикрывать рыцаря во всю его длину, начиная с плеч. Обыкновенно щиты были не плоские, а выгнутые. Приготавливались они из деревянных досок, изнутри обитых подушкой, а снаружи — кожей. Последняя часто раскрашивалась; на ней из-

обряжались львы, орлы, кресты, цветки, бывшие в начале лишь простыми украшениями, не имевшими ничего общего с гербами. С внутренней стороны щита приделывались две кожаные ручки, отсюда же выходила широкая перевязь из кожи или из богато украшенной материи. Не участвуя в битве, рыцарь закидывал эту перевязь на плечо. Павших в битве выносили с поля сражения на щитах.

Кольчугой называлась длинная рубаха из железных колец, доходившая до колен и даже спускавшаяся ниже их. С первой половины XII века она вошла во всеобщее употребление, заменив собою ранее употреблявшуюся кожаную рубаху с нашитыми на ней металлическими бляхами. Чтобы кольчуга могла лучше противостоять ударам противника, ее делали из двойных и тройных колец. Кольчуга снабжалась капюшоном для защиты головы. Подобно другим частям рыцарского вооружения и кольчуга не оставалась без украшений. По нижнему краю её, а также по краям её рукавов, делалось из проволок, пропускаемых в отверстия колец, некоторое подобие кружев или шитья. Наконец, сеньоры и князья се ребрили и золотили свои кольчуги. Кольчуга носилась и оруженосцами, но у последних она была легковеснее, а следовательно и менее защищала от неприятельских ударов.

Шлемом называлась яйцевидная или коническая каска из стали. Нижний край его окаймлялся металлическим же ободком. С передней стороны его спускалась на лицо рыцаря металлическая пластинка, французское название которой *nasal* (носовая) ясно указывает на её назначение — служить защитой носа. Иногда с задней стороны шлема спускалась другая пластинка, в которой прикреплялся кусок толстой материи для защиты затылка. Носовая пластинка употреблялась до самого конца XII столетия, а потом уже вошло в употребление забрало — подобие решетки, —

служившее защитой всему лицу. Само собой разумеется, что указать резкую границу между порой, когда употреблялась носовая пластинка, и тем временем, когда она сменилась забралом, невозможно. Было время, когда обращались в употреблении и тот, и другой предметы. Уже в Иерусалимских Ассизах ¹⁾ есть указание на употребление шлема с забралом (*heaume a visiere*). Мы уже говорили выше о капюшоне, которым заканчивалась вверху кольчуга. Обыкновенно шлем прикреплялся к этому капюшону кожаными петлями, продававшимися сквозь кольца: число этих петель колебалось между пятнадцатью и тридцатью. Зашнуровывался шлем только на время битвы. В случае же, если рыцарь получал в битве рану, первым делом расшнуровывали его шлем. Последний никогда не надевался прямо на голову. Под ним обыкновенно надевали пуховую шапочку, а сверх неё полотняный или шелковый чепец. У знатных и богатых лиц, главным образом — у вождей, шлем бывал позолочен, а ободок богато украшался, при чем употреблялись и драгоценные камни. Наверху шлем украшался иногда шариком, сделанным из какого-либо металла или из цветного стекла. Иногда на ободке шлема вырезывалась какая-нибудь надпись. Оруженосцы носили на голове железную шапочку, которая была легче рыцарского шлема и оставалась без всяких украшений.

Таким образом мы видим, что рыцарское вооружение уже в XII—XIII вв. было довольно сложно и требовало при надевании не мало времени от своего владельца. О течении времени эта сложность увеличивалась все более и более ²⁾.

¹⁾ Ассизы Иерусалимского королевства или Письма Гроба Господня (*Lettres du Sepulcre, Assises du royaume de Jerusalem*) — законодательный сборник Иерусалимского королевства.

²⁾ Рекомендуем вниманию наших читательниц и читателей Отделение Средних Веков и эпохи Возрождения в Императорском Эрмитаже. Есть иллюстрированный указатель (Н. Кондакова).

Турнир.

дной из самых привлекательных для средневекового рыцарства забав были турниры, т. е. примерные сражения, в которых участвовали целые толпы. Этим турнир (*tornoiement*) отличался от поединка (*joute*, от лат. слова *juxta* — вблизи), который представлял собою борьбу одного против одного же, как прекрасно и выражается это русским словом „поединок“. Турнир состоял из целого ряда одновременно и на том же месте происходивших поединков, но, конечно, только до известной степени, так как в массовом столкновении довольно трудно было удержать этот порядок до самого конца. Возникшие, несомненно, во Франции турниры (*conflictus gallici*, как они назывались еще) перешли в Германию, Англию и другие западно-европейские страны. Но, в каком именно месте Франции и когда возникли турниры, определить невозможно, хотя средневековые хроникеры называли даже по имени изобретателя турниров (Жоффруа де Прельи, ум. в 1066 году). Несомненно, что обычай, так широко распространенный, не мог быть изобретением одного лица. — После этих общих указаний, постараемся представить себе возможно отчетливее картину турнира.

Сюзерен нашего барона, располагая громадными средствами, задумал устроить турнир. Немедленно же (дело происходило ранней весной, перед Пасхой) он снарядил посланцев, которые должны были оповестить о предстоящей потехе. На площадях близлежащих городов они просто выкрикивали свое оповещение, а наиболее выдающимся рыцарям развезли особые приглашения, писанные на пергаменте. В этих приглашениях точно указывалось место, избранное для состязания, и назывались награды, назначенные победи-

телям. Такими наградами могли быть медведь, пара борзых, ястреб, иногда венок, пояс или мешочек (aumosniere — где хранились деньги и духи; носился на поясе) от какой-либо знатной дамы.

Наш барон, получив приглашение, посылает вызов к одному из соседних баронов; между ними ведутся переговоры об условиях, на которых состоится борьба, Остановились на том, что победитель овладеет конем и шлемом побежденного и получит в придачу известную сумму денег. Подобным же образом поступают и другие лица, получившие приглашение участвовать в предстоящем турнире. Так готовятся обе враждебные стороны. Вызовы посылаются не только от имени одного лица одному же, но и от одной группы рыцарей другой группе. Надо думать, что большинство рыцарей увлекалось только славой победы, но были и такие, для которых турнир был предметом спекуляции: так напр., они брали побежденного в плен и отпускали лишь за большой выкуп, овладевали оружием побежденного и продавали это оружие. Но, повторяем еще раз, по таким личностям не следует судить обо всех. — Как оживляются обитатели средневековых замков! Это оживление разделяется и женщинами. Между тем посланцы все дальше и дальше распространяют весть о турнире, и все дальше и дальше распространяется оживление. Пожившие рыцари вспоминают былое и стремятся снова пережить то, что было уже ими пережито; молодые стремятся показать свою удаль и изведать еще неизведанное ими; богатые — показать свой блеск, свои богатства; бедные — улучшить свое положение. Иной бедняк рыцарь, чтобы приобрести себе приличное вооружение, в котором можно было бы без опасения появиться на турнире, входит в долг у знакомого еврея. Он надеется разбогатеть и заплатить как долг, так и немалые проценты. Иные из

бедных рыцарей, отправляясь на турнир, рассчитывали улучшить свое материальное положение, благодаря какому-нибудь счастливому случаю. В одном литературном произведении средних веков изображен именно такой рыцарь — бедняк, чающий лучшего будущего. Он заложил все, что имел, и отправился вместе с оруженосцем своим в Турень, где должен был происходить турнир. Оруженосец был человек изворотливый. Проезжая дорогой мимо одного озера, он увидел купающихся фей. Не долго думая, он снял с дерева повешенные феями золотые одеяния и продолжал свой путь. Рыцарь, ехавший позади своего оруженосца, услышал крики и жалобы фей, узнал причину их горя, отнял платья у своего оруженосца и вернул их феям. Благодарные рыцарю, они щедро наградили его и таким образом не только дали ему возможность принять участие в предстоявшем турнире, но и обеспечили его на всю жизнь. Женщины в ожидании турнира вынимают из сундуков свои лучшие одежды. Одновременно с турниром рыцарским, конечно, будет происходить турнир другого рода: кто кого перещеголяет нарядами? Жены, сестры, невесты — все они стремятся туда же, на благословенный турнир.

А вот, и тронулись с места будущие участники и зрители турнира. С разных концов в сопровождении оруженосцев, слуг и запасов едут они к назначенному месту. Сколько встреч интересных! Сколько оживленных бесед!

Между тем, и на месте предстоящего турнира господствует большое оживление. Рабочие готовят места. Распорядители проверяют и пересматривают списки приглашенных. Хватит ли всем места в гостиницах, в частных домах провинциального города? Конечно, нет. Народу съехалось куда больше, чем предполагалось. Что же делать,

поместятся и в палатках. И действительно, окрестности города заpestрели от массы разноцветных шатров. Конечно, это далеко не представляется неудобством для большинства, — совсем напротив! Ведь это так оригинально, так весело — пожить в палатке среди поля после житья среди мрачных, холодных замковых стен! Городские мастера — оружейники, кузнецы, кожевники, золотых дел мастера и друг. — завалены работой. На лугу, прилегающем к городу, торговые люди города устраивали ларьки и устанавливали столы со съестными припасами и напитками. Тут же располагались в своих палатках жонглеры, а также фигляры и шуты всякого рода, бродячий люд средневековья. Между разноцветными палатками снуют оруженосцы. Всюду — флаги, раскрашенные щиты и гербы. Картина пестрая, полная разнообразия и жизни!

Арена, на которой должен будет происходить турнир, представляет обширное продолговатое пространство, длина его на $\frac{1}{4}$ больше ширины. По одной стороне этого пространства устроены деревянные места для дам, знатных зрителей и судей. Постройки эти сделаны наскоро, но все же не без затей; так, по середине возвышаются две башни, разделенные на ложи. Все эти места обвешаны коврами и флагами. По этой же стороне устроена эстрада для музыкантов, которые будут приветствовать победителей музыкой. Остальные стороны арены огорожены двумя параллельными деревянными барьерами. Проход между последними назначается для лиц, следящих за порядком, а за внешним барьером соберется народ. Барьеры раскрашены, а местами и позолочены.

Все собрались уже. Завтра — турнир. Весь городок расцветен флагами. Из открытых окон доносится смех, говор, песни. Где-то танцуют. Пригородное поле представляет необычайно живую картину. Между сотнями разноцветных палаток движутся рыцари,

оруженосцы. Сегодня, накануне турнира, произошло несколько поединков, а также состоялось состязание между Оруженосцами (так наз. *éprouves, vèpres du tournoi*). Двое наиболее отличившихся будут удостоены рыцарского звания. Их, посвящение придаст еще больше блеска целому ряду праздничных дней. Можно представить себе, с каким нетерпением дожидаются они своего посвящения!

А вот, и ночь унеслась и уступила место своему ясному и теплому весеннему дню. Лес зеленеет молодой листвой, шумят потоки, в которых отражается яркое солнце, весело поют птицы. Весь городок опустел, опустели шатры, теперь все — под открытым небом. На устроенном заранее алтаре местный священник служит вместе с другими духовными лицами, сюда прибывшими, торжественную мессу. С благословения Божьего начинается всякое дело, тем более настоящее. Хотя церковь, по-видимому, бесплодно восставала против турниров и не в силах была уничтожить их совсем, но она много поспособствовала изменению их характера*). Прежде они были настоящими кровавыми битвами, теперь представляют только подобие их. Но, при всем том, турниры не были безопасными играми: здесь получались тяжелые ушибы, здесь участники нередко навсегда расставались с жизнью. С другой стороны, сколько надежд возлагалось на турнир многими из участников его! Как же не испросить благословения Божьего? Как не помолиться? И молились, молились усердно. Участие в турнире считалось привилегией благородства; поэтому не всякий рыцарь допускался к нему, точно так же, как не всякий атлет допускался в античной Греции к участию в Олимпийских играх, этих турнирах древности. Дама, обижен-

*) Папские буллы грозили отлучением от церкви участникам турниров, грозили лишением христианского погребения тем, кто будет убит на них.

ная каким-либо рыцарем, могла жаловаться на него до начала турнира. Специально избираемые для турнира судьи рассматривали жалобу и, если находили ее основательной, то не допускали рыцаря к участию в турнире, что становилось для него, конечно, большим позором. Если же дамы прощали рыцаря, что обыкновенно и случалось, он возвращал себе утраченное, было, право. В Германии существовали особые параграфы турнирных правил, по которым не допускались к турнирам рыцари, совершившие что-либо предосудительное против императора или империи, изменившие своим сеньорам и сюзеренам, оскорбившие дам или девиц, уличенные в клятвопреступлении, в ограблении церковного имущества, в убийстве, в нарушении святости брака и отдававшие деньги в рост для наживы незаконных процентов. Там существовал параграф, на основании которого к участию в турнире допускался только тот рыцарь, отец, дед и прадед которого были людьми свободными. Вот почему местность, предназначенная для турнира, пестрела обыкновенно гербами, свидетельствующими о древности того или другого рыцарского рода. Здесь всегда были под руками люди, которые могли свободно читать гербы и девизы (надписи на гербах) и давать желающим необходимые объяснения.

Едва окончилась месса, как герольды немедленно приступили к делу. Прежде всего следовало разделить все столпившееся рыцарство на две партии и соблюсти при этом требования справедливости. В данном случае старались главным образом о том, чтобы и на той, и на другой стороне было, по возможности, одинаковое количество рыцарей, и чтобы какая-либо из сторон не превосходила враждебную количеством особенно сильных и опытных рыцарей. После того те же герольды установили бойцов, так что образовалась целая процессия, каждый ряд которой состоял

из 2 — 3 всадников. По сторонам — жонглеры, без которых не обходилось ни одно торжество, а в главе — герольды и судьи турнира вместе с почетным судьей (*chevalier d'honneur*), заблаговременно избранным. Интересна роль последнего. Он служил как бы посредником между присутствующими дамами и участвующими в турнире рыцарями. Как только он был избран, к нему подходили рыцари-судьи турнира в сопровождении двух красивейших дам и вручали ему головное дамское украшение, нечто в роде чепца или наколки. Он привязывал последнюю к своему копыю и не снимал её в продолжение всего турнира. Если во время боя дамы замечали, что кто-либо из участников в турнире слишком ослабевал, они поручали почетному судье вступить за него. Дамский посредник спускал на такого рыцаря оригинальное украшение своего копия, и никто уже не осмеливался тронуть облагодетельствованного рыцаря. Самый чепец назывался по этому дамской милостью (*la Mercy des Dames*). И это было, действительно, милостью в то время, когда и обыкновенные люди не задумывались перед жестоким поступком.

Теперь обе партии заняли свои места. Все участники поклялись перед судьями турнира в том, что не будут прибегать ни к каким непозволенным уловкам, не будут бить рыцаря, не защищенного шлемом и т. п. Дожидаются только сигнала, чтобы начать борьбу. Вместе со своими рыцарями здесь же находятся и оруженосцы с запасом более легкого вооружения, которое наденут рыцари после окончания борьбы. Что касается оружия, которым будут сражаться, оно уже заранее осмотрено судьями турнира и найдено вполне подходящим для предстоящего дела. Но вот, устроитель турнира подал сигнал. „Представьте себе — говорить один из лучших знатоков рыцарской эпохи — два кирасирских полка, ударяющие друг на друга:

Возвращение победителя с турнира.

Я помчался, я ударил —
И ничто не устояло.

Жуковский.

ужасное столкновение! Каждый барон отыскивает того противника, которого он вызвал на борьбу, но, не находя его, нападает на других. Все мудрые исчисления нарушены, всякая симметрия становится невозможной, торжествует беспорядок... Друг другу угрожают, сталкиваются, друг друга опрокидывают. Но горе тому, кто сбит со своего коня, все другие кони пройдут по нем... Но самым большим наказанием для участников турнира следует считать пыль: она влетает в их ноздри, в их глаза; иные и умирают от неё, тщетно пытаясь дышать... Наши рыцари не бились бы с большим увлечением против язычников, и я думаю, что они кусались бы, если бы могли это делать". Рыцари в полном вооружении, головы их покрыты шлемами; в их руках длинные копья, но без острия на конце. Во весь карьер несутся они на конях друг против друга с копьями на перевес. У каждого — одна и та же цель; ударом копья сшибить своего противника с седла. Но это нужно сделать очень ловко, не задевая ни самого седла, ни ноги противника; не исполнивший этого требования лишается награды. Нередко копья ломаются в дребезги. При удачном ударе противника, побежденный рыцарь падает с своего седла навзничь в полном вооружении. Бывали случаи, когда подобные падения причиняли моментальную смерть. Оруженосцы работают без усталости. Герольды и судьи следят за борьбою; судьям уже заранее известны имена участников. В случае удачного удара, его виновник поощряется к подвигам громкими одобрительными возгласами зрителей. Опытные рыцари обыкновенно не слишком увлекаются в начале, чтобы не ослабнуть преждевременно. Впрочем, участникам турнира дозволяется на короткий срок отходить в сторону для отдыха. Воспользовавшейся этим дозволением рыцарь снимает на время свой шлем и дышит, если не вполне, но все же более чистым воздухом.

Наш турнир еще не закончился сегодняшним днем; надо полагать, он протянется еще несколько дней. Уже наступил вечер. Затрубили сигнальные трубы, и герольды стали очищать арену, сразу наполнившуюся толпами народа. Обломки оружия, куски материи, частицы золота и серебра, свалившиеся с богатых рыцарских одеяний, делались предметами спора и драки между простолюдинами. Участники, счастливо отделавшиеся сегодня, спешат весело в свои жилища; там они немедленно примут ванну и подкрепят свои силы. Зрители шумно направляются в город, в шатры расположенные на поле, и в ближайшие деревни. Иных рыцарей несут домой на носилках. Если и не было сегодня нанесено кровавых ран, все же не мало было сделано серьезных повреждений. Многие немедленно поступают в распоряжение врача, так как у них оказались серьезные переломы костей. Мы не станем следить за возобновлением и продолжением нашего турнира: такое описание было бы в высшей степени однообразным. Наш барон попал в число победителей, и судьи присудили ему в награду великолепный щит. Имя его провозгласили во всеуслышание и разнесут еще во все возможные концы. На общее пиршество, закончившее турнирные празднества, его вели вместе с другими победителями старые, почтенные рыцари.

Первая награда обыкновенно присуждалась тому, кто выбил из седла большее число рыцарей, кто изломал большее число копий, сам крепко усидев в седле. В случае спорного вопроса к решению его привлекали дам. Что касается наград, они бывали различны; бывали, и незначительные по цене, бывали и ценные. Давали охотничьих птиц, щиты и тому подобные предметы. В XIII в. ландграф Тюрингенский Герман устроил турнир в Нордгаузене. У места турнира был разбит сад, по середине которого поставлено дерево

с золотыми и серебряными листьями. Всякий, разбивший копье нападавшего, но удержавшийся в седле, получал серебряный, а выбивший противника из седла — золотой листок.

Что же еще прибавить о сегодняшнем турнире? Много было поломано копий, не мало было разбито и надежд. Многие из небогатых рыцарей так поистратились на наряды женам и на свое вооружение, что долго не забудут о турнире, порасстроившем их домашние финансы.

Судебные поединки.

Судебный поединок (le duel judiciaire, gerichtlicher Zweikampf) принадлежит к разряду таких явлений средневековой жизни, знакомство с которыми приоткрывает завесу, скрывающую миросозерцание обитателей средневековых замков и вообще средневекового человека. Случай, так или иначе решающий исход борьбы, случай, зависевший большей частью от каких-либо заранее сложившихся причин, представлялся в глазах средневекового человека проявлением Божественной Правды. Торжествует одна сторона, побеждается другая. Мы объясняем себе это или несознанным заранее неравенством сил, материальных и духовных, с несомненным перевесом на стороне победившей, или просто какую-либо случайностью, независимо от той и другой стороны порешившей дело „так, а не иначе. Средневековый человек видел в этом проявление какой-то посторонней силы, будет ли то — сила добрая или злая. При таком взгляде он должен был сделаться, конечно, рабом предрассудков, суеверия, нередко приносивших ближним его величайшие несчастья. Вера

в волшебство, обвинения в сношениях с нечистой силой, сожжения за колдовство, все это — результаты того взгляда, о котором мы только что говорили. Господству того же взгляда обязаны были своим существованием судебные поединки. В тех случаях, когда обвинитель был не в состоянии очевидными фактами доказать правоту своего обвинения, а обвиняемый — свою невинность, прибегали к так называемому Божьему суду. Чтобы узнать волю Божию, Божественное решение, употребляли различные средства, одинаково непозволительные и запрещавшиеся церковью: испытывали обвиняемого холодной водой, кипятком, раскаленным железом, огнем. Все эти виды испытания заключались в следующем. Обвиняемого кидали в заранее освященные (несмотря на папские запрещения) пруд или реку, при чем, если он не погружался, а сразу же плыл, объявляли его виновным. Заставляли обвиняемого опускать руку по локоть в котел с кипящей водой. Обвиняемый, чтобы доказать свою невинность, брал в руки кусок раскаленного железа на известный срок или проходил босыми ногами по 9—12 раскаленным сошникам или вообще железным пластинкам. Отсутствие ожогов или незначительность их свидетельствовали о правоте обвиняемого. Наконец, испытание огнем заключалось в том, что обвиняемый, желающий доказать свою невинность, должен был невредимо пройти сквозь пылающий огонь, при чем в таких случаях на него надевалась иногда рубаха, пропитанная воском. Вот именно, к такого же рода испытаниям, называвшимся ордалиями (ordalies, ordal), принадлежат и судебные поединки. Познакомимся поближе с этим явлением.

Обе стороны, обвинитель и обвиняемый являлись к графу или к своему сеньору. Здесь обвинитель громким голосом высказывал свое обвинение или жалобу и бросал при этом на землю перчатку или нарукав-

ник в знак того, что он вызывает обвиняемого им на бой, который должен будет подтвердить справедливость обвинения или жалобы. Обвиняемый должен был поднять брошенную вещь и обменять ее на свою в знак того, что принял сделанный ему вызов. После этого их отводили в темницу, находящуюся в замке сеньора, где они жили до дня, назначенного для поединка. Они, конечно, могли быть выпущены на свободу, но под условием выставить поручителей.

Между тем готовилось место, где должен был произойти поединок. Огораживали часть поля. Устраивались места для судей поединка и знатных зрителей. На концах отведенного под поединок места устраивались еще два круга для обоих действующих лиц.

Когда наступал назначенный день, с самого раннего утра (поединок происходил обыкновенно очень рано, часов в шесть утра) масса народа окружала место поединка. Чтобы устранить возможность вмешательства со стороны публики и каких-либо столкновений между приверженцами той или другой стороны, заблаговременно выставлялся сильный караул. Оба противника являлись в полном вооружении. Перед крестом и евангелием, а иногда и над мощами, они клялись в правоте своего дела, а также в том, что не прибегнут к колдовству. Герольд выкрикивал на четыре стороны обращение к зрителям, призывающее к сохранению тишины; ни крик, ни жест не должны были помешать бьющимся; все должны были воздержаться от какого бы то ни было вмешательства в дело. В противном случае, виновного в нарушении этого правила постигнет серьезное наказание: рыцарь может лишиться руки или ноги, а простолюдин — головы. Когда все приготовления были окончены, обвинителю и обвиняемому отмеривали одинаковое

пространство или, как тогда выражались, „одинаковое количество поля, ветра и солнца“. Сколоченный из досок забор, ограждавший поле, накрепко запирался. После этого главный распорядитель подавал знак к началу боя, произнося громко установленные на этот случай слова (*laissez — les aller*).

Бой начался. Оба противника, крепко держа под рукою копыя и направляя их друг против друга, несутся сперва галопом, а затем в карьер. Копья

расщепляются о щиты. Кони вздымаются на дыбы. Враги сталкиваются таким образом уже в четвертый раз. Но вот, с одним из них случилась неудача: лопнула подпруга, седло съехало с места, он слетел на землю. Обыкновенно, в судебных поединках при таких обстоятельствах не церемонятся, а напротив, пользуются своим преимуществом и неудачей врага. Но сегодня противник упавшего поступил истинно рыцарски: дал время своему врагу оправиться и сам покинул седло. Тогда они взяли за мечи, чтобы продолжать борьбу без лошадей. Сначала они фехту-

ют, но в скором времени, забросив щиты на спину, схватывают мечи обеими руками и наносят друг другу беспощадные удары. Долго они бьются. Отдыхают немного и снова принимаются за борьбу. Дело подвигается вперед. Один из них несомненно уступает, он обессилел и падает на землю. Другой, чтобы не дать ему возможности снова подняться на ноги, кидается к нему, срывает с него шлем, заносит над ним кинжал и предлагает ему на выбор: или, отказавшись от своего обвинения, объявить себя клеветником, или сейчас умереть. В это время к ним подходят несколько человек из стражи, чтобы быть свидетелями их разговора. Любя жизнь, предпочитая позор смерти, побежденный сдается. Его вытаскивают с места боя за ноги, его шлем разламывают на части, остальное оружие и конь остаются в пользу распорядителей и судей *).

Кроме личной борьбы, на судебных поединках допускалось еще выставлять за себя бойца. Победа или поражение последнего считались равносильными победе или поражению лица, представителем которого является боец. Таким правом пользовались женщины, духовный лица, больные люди, наконец — лица, имевшие менее 21-го года и более 60-ти лет от роду. В рыцарских романах довольно часто изображается оклеветанная девушка, которая посылает гонцов к какому-либо рыцарю с просьбой прийти в известный день и час на известное место, чтобы с оружием в руках защитить её поруганную честь. Рыцарь обыкновенно спешит, не щадя своего коня, но все же не поспевает к назначенному часу. Общее волнение: кто рад, кто печалится. Враг уже торжествует победу,

*) Помещенный выше рисунок представляет собою воспроизведе- дете миниатюры украшающей одну рукопись XV-го столетия. Ангел, парящий над местом поединка, прекрасно олицетворяет идею средне- векового поединка, выше разъясненную.

но вот внезапно появляется на арене желанный рыцарь, и все оканчивается, разумеется, вполне благополучно.

Иллюстрацией к сказанному может служить поэтическое и поучительное сказание о рыцаре Лоэнгрине. Вот в чем заключается его содержание.

Молодая и прекрасная Эльза, осиротевшая дочь герцога брабантского и лимбургского, подверглась преследованиям со стороны Фридриха фон Тельрамунда, одного из вассалов её покойного отца. Он преследует ее под тем ложным предлогом, что она обещала ему выйти за него замуж, и хочет, во что бы то ни стало, принудить ее к ненавистному ей браку. Напрасно отвергает она свое мнимое обещание, Фридрих фон Тельрамунд стоит на своем. Необходимо прибегнуть к судебному поединку, но ни один боец не отваживается биться за Эльзу: так боятся все её могущественного преследователя. Эльзе остается ждать чуда, и она обращается с горячей молитвой к Богу. Распростершись пред алтарем своей замковой капеллы, она заливается словами и звонит в золотой колокольчик. Чем дальше несется его звон, тем сильнее он становится. Наконец он проникает за облака, в тот таинственный, волшебный замок, где пребывают избранные рыцари, где живут они среди чудес, совершающихся вокруг св. Грааля, того сосуда, который был в руках Спасителя во время Тайной Вечери, в который стекала с креста Его Божественная Кровь. Там услышана горячая молитва несчастной Эльзы: там нашелся для неё защитник; зовут его Лоэнгрином.

Спустя несколько дней к Антверпену подплыл белый лебедь. Он привез за собою ладью, а из этой ладьи вышел чудесный рыцарь. Он сразился за Эльзу с могучим и вероломным Тельрамундом и убил его на поединке. Эльза была спасена: правда была на

её стороне. Благодарная Лоэнгрину, она сделала то, что нередко делали девушки средневековой поэзии, т. е. предложила Лоэнгрину свою руку. Лоэнгрин женился на ней с тем условием, чтобы она никогда не ставила ему вопроса об его происхождении, так как в противном случае она рискует потерять его навсегда. Прошли года счастливой во всех отношениях брачной жизни. Самой Эльзе и в голову не приходило нарушать поставленного Лоэнгрином условия. Но враги Эльзы, желая разрушить её счастье, стали распространять слухи о темном происхождении её мужа. Не веря этим злым слухам, Эльза тем не менее не могла сдержаться и предложила Лоэнгрину после долгих и тяжелых колебаний роковой вопрос. Лоэнгрин исполнил её желание, объяснил ей тайну своего происхождения, но, обеспечив владеньями своих сыновей, навсегда покинул прекрасную и дорогую для него Эльзу. Св. Грааль непреодолимой силой влек его к себе. Тот же лебедь приплыл за ним, и та же ладья увезла его в ту чудную страну, в тот таинственный, волшебный замок, который он покинул когда-то для спасения Эльзы, преследуемой Тельрамундом *).

Очень часто к судебным поединкам прибегали в делах особенно большой важности, в тех случаях, например, когда за преступление, в котором обвинялось данное лицо, грозила смертная казнь. В таких случаях немедленно же по окончании поединка производилась жестокая расправа. Побитого, а следовательно, по тогдашней логике, преступника, вытащивши указанным выше способом с места боя, сейчас же предавали смертной казни. Бывали случаи, когда казнили бойца, проигравшего чужое дело, а вместе с

*) Желаящим ознакомиться с рыцарской поэзией указываешь на нашу книгу „Трубадуры, труверы и миннезенгеры“.

ним и обвиняемого, и державшего его сторону свидетеля, если таковой был. Если в числе двух последних лиц была женщина, она безжалостно сжигалась на костре. Само сожжение, к которому так часто тогда прибегали, производилось следующим образом. На месте, назначенном для совершения казни, врывали в землю столб. Кругом этого столба накладывали ряды дров, перемешанные со слоями соломы, до тех пор, пока все это не достигало известной вышины (почти человеческого роста). При этом оставлялось свободное пространство вокруг столба и довольно узкий проход к последнему. С обвиненного снимали платье и надевали на него длинную пропитанную серой рубаху. Затем его подводили к столбу и привязывали к нему веревками и цепями. Проходное отверстие закидывали дровами и соломой и зараз с нескольких сторон зажигали костер.

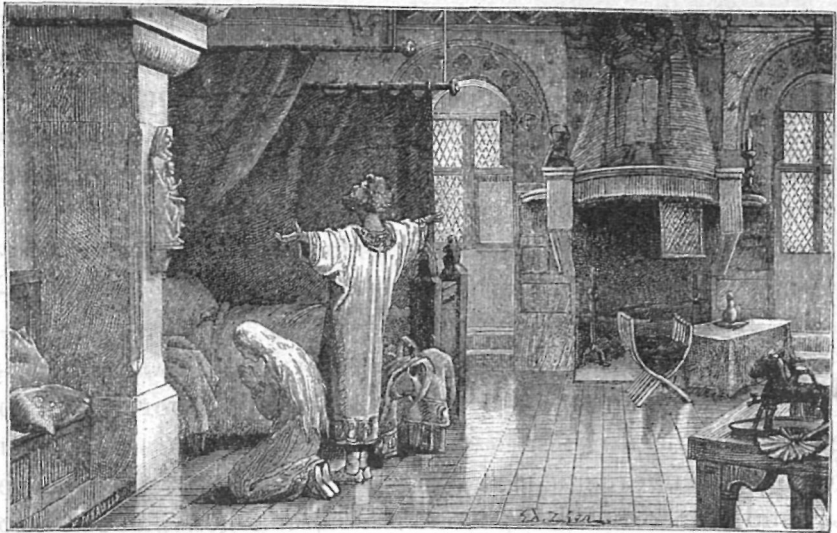
Судебные поединки были распространены не только среди рыцарей, но и среди городского населения. Горожане бились в красных рубахах, красных же панталонах и чулках, но без башмаков. Их стриженные головы оставались непокрытыми. Оружием служили большие щиты и жгуты из воловьих жил с шишками наверху и костяными наконечниками внизу. Рыцарь, вызвавший на поединок простолюдина, бился оружием простолюдина: если же простолюдин вызывал рыцаря, последний сражался на коне, в рыцарских доспехах.

Среди семьи.

постели нашего барона еще горит свеча в высоком канделябре, светившая целую ночь, а в узорчатые стекла окна проник первый луч восходящего солнца. Осеннее свежее утро. Резко прозвучала труба с вершины главной башни. В пустом

лесу ответил ей отголосок. Привыкший вставать в эту пору барон пробудился от сна. Когда он надел на себя белье, на ночь вешавшееся у постели, а сверх белья накинул нечто в роде мехового халата (pelise, belz), в комнату явились два прислужника и принесли лохань, металлический кувшин с водой и полотенце. Но, кроме обыкновенного умывания, наш барон очень часто берет утреннюю ванну, которая иногда вся закидывается розами или розовыми лепест-

ками. Умывшись и причесавшись гребнем, барон встал на колени перед изображением святого, помещающимся, как вам известно, тут же вблизи постели. Спустя некоторое время, уже окончательно одевшись с помощью прислужников, он отправляется в капеллу, в сопровождении своей жены. Выслушав краткую мессу и приветствие от своего капеллана, они проходят в большую залу, где подкрепляют себя завтраком в кругу собравшихся членов семьи. Взрослые дочери только что явились: так много времени отнял у них туалет! Впрочем, особенно долго занимались

этим, когда поджидали гостей. „Если бы вы могли видеть — говорит один средневековой французский поэт — в этом замке, как причесываются дамы и девушки. Одной затягивают волосы, другую зашнуровывают, третья спрашивает у сестры: „сестрица, хороша ли я?“ — В тебе нет недостатка, отвечает сестрица, а какова я? — Четвертая говорит своей девушке: „скажите, ради Бога, хорош ли у меня сегодня цвет лица?“ — Лучше, чем у кого бы то ни было на свете“, отвечает девушка. Большой частью барон в это время уже покидает замок, но сегодня он остается дома целый день. Позавтракав, он пошел вместе со старшим сыном обозреть свое обширное и сложное хозяйство: это занятие отнимет у него время до самого полудня, до обеда. Супруга барона отправилась к собравшейся у ворот замка толпе нищих и калек, чтобы раздать им обычную милостыню. Среди бедняков, посетивших сегодня замок, оказался престарелый пилигрим, возвращающийся из далекого странствования. Он одет в серое платье, на котором нашиты раковины, и обут в кожаные сапоги. За его спиной висит сума, а на боку спускается с перевязи дорожная плетеная фляжка. В правой руке у него крепкий посох. Широкополая шляпа довершает его скудный наряд. Хозяйка замка, тронутая усталым видом странника, интересуясь вечером послушать его рассказов, наконец — следуя обычаю, предложила ему отдохнуть в замке и переночевать в нем. Исполнив дело милосердия, она отправилась в женские помещения, где её приход ожидали домашние работницы: тут сейчас начнут шить, вышивать, прясть, одним словом — примутся за обыденные работы. Наконец, на её руках — двое маленьких детей, из которых старшему еще не исполнилось семи лет, а до этого срока дети находились на исключительном попечении матери. Если прибавить к этому обширное

хозяйство, вы легко поверите, что у супруги нашего барона дел довольно. Хорошо, еще, что у неё так много помощниц. А другим матерям, поставленным в худшие условия, такое пренебрежение мужа к маленьким детям, конечно, было в тягость. Устами средневекового французского поэта одна из матерей жалуется по этому поводу следующим образом:

Il y a jusques a sept ans
Et plus encore trop de peris,
Mais il n'en chaut a nos maris.

(До семилетнего возраста и еще долее слишком много опасностей, но нашим мужьям до этого нет дела).

Более взрослые дочери барона отправились в свою комнату, где будут заниматься рукодельем, разговором, пеньем и чтением недавно попавшего в их руки рыцарского романа. Так проходит время до полудня. Звук трубы призывает к обеду. Сегодняшний

обед совершенно, конечно, непохож на те званые обеды, которые от поры до времени задаются нашим бароном. Он — гораздо скромнее: два мясных блюда, рыба, овощи, в заключение обеда сыр и фрукты. Питьем служат вино, пиво, мед, настойки (напр., вишневка). После обеда барон отправился отдыхать; остальные члены семьи разбрелись в разные стороны: кто отправился в замковый садик играть на открытом воздухе, кто углубился в шахматную игру, к которой, по пробуждении, присоединился и барон. Одна из его дочерей читает вслух своему старшему брату недавно приобретенный рыцарский роман. Чтение было прервано на время прибывшим в замок продавцом дамских украшений. Вот, он отложил в сторону свою обитую железом палку, снял со спины ящик с товарами. Скоро он был окружен обитательницами замка и продал почти все свои товары. Так как близился вечер, а небо заволочло тучами, и начиналась осенняя буря, продавцу предложили переночевать в замке. Хозяйка вспомнила о пилигриме и велела позвать его в залу. Там слуги уже хлопотали около камина, стараясь развести огонь. Послушать странника собралась вся семья и наиболее близкие к ней из живущих в замке. Страннику были предложены обычные вопросы: откуда он? что пережил? каково было его странствование? Не в первый раз пришлось говорить ему перед большими господами: странники в ту пору были самыми желанными гостями в замке, так как они своими рассказами удовлетворяли и религиозному чувству его обитателей, и любознательности их, и вносили свежую струю в их однообразную жизнь. Вот почему, не смущаясь, он начал свой рассказ, и речь его лилась непрерывно. Выл он в городе Риме, откуда и возвращался к себе домой. Рим, обогранный кровью христианских мучеников, начиная с первых веков христианства, был религиозным цен-

тром, куда направлялись пилигримы со всех концов Западной Европы. Толпы сменялись толпами. Бывали дни, когда собиралось до миллиона пилигримов. Кроме главной святыни Рима, базилики Св. Петра, наш странник побывал и в других римских церквях. Он рассказал своим слушателям, что удостоился видеть ясли Господа в церкви Св. Марии; поднимался на коленях по святой лестнице (*la scala santa*), на которую упали капли Христовой Крови, и которая была перевезена в Рим из Иерусалима; посетил церковь Св. Павла, что на трех источниках; там он видел, как бьют из земли три струи воды на том самом мест и с того самого времени, когда голова Св. Апостола Павла упала с плеч под ударом палача. С каким живым интересом внимают слушатели описанию катакомб! Пред ними, как по маговению волшебного жезла, воздвиглись эти бесконечные перекрещивающиеся коридоры с их нишами, гробницами, изображениями на стенах. Но воображение не остановилось на этом. Оно переносит слушателей в первую эпоху христианства, в эпоху первых христианских мучеников, которые, как истинные рыцари, умирали за веру Христову. Далее пилигрим рассказывает обитателям нашего замка, как из Рима он отправился в Бари на поклонение мощам епископа Мир Ликийских, Святителя Николая. Он рассказал им о том, как сорок граждан города Бари отправились в Малую Азию за мощами Св. Николая, чтобы не оставались они в руках сарацин. По желанию барона и его супруги, пилигрим, окончив рассказ о своем путешествии в Италию, познакомил их со своим прошлогодним странствованием в Испанию на поклонение мощам Св. Иакова (*Santiago*). Он сообщил им вместе с тем и предания об отправлении Св. Иакова в Испанию и о построении храма во имя Пресвятой Богородицы (*Nuestra*

Senora del Pilar) в Сарогоссе. Их он слышал в Испании. После Вознесения Господня — рассказывает он — и Сошествия Св. Духа, Св. Иаков простился с братом своим Иоанном Богословом и пошел к Св. Деве Марии, чтобы испросить у Неё Благословение на избранный им далекий путь. И Св. Дева Мария сказала ему: „дорогой сын, так как ты избрал для проповеди Слова Божьего Испанию, Мою любимейшую страну из всех стран Европы, не забудь построить там во имя Мое церковь в том городе, где ты обратишь ко Христу большее число язычников". После этого Св. Иаков покинул Иерусалим, переплыл Средиземное море и прибыл в Таррогону, где, не смотря на все свое усердие, обратил в христианство всего восемь человек. Но вскоре совершилось чудо. Однажды ночью Св. Иаков и восемь вновь обращенных им спали на равнине в том месте, где стоит теперь Сарогосса. Пение, доносившееся с небесных высот, разбудило спавших: то — ангелы пели хвалу Пресвятой Деве Марии. Дивное сияние разлилось вокруг них. Св. Иаков пал ниц и увидел перед собою Богоматерь. Она возвышалась над яшмовым столбом. Ее окружали ангелы. Неизреченной добротой светился её лик. И Богоматерь сказала Св. Иакову: „сын Мой, Иаков, выстрой Мне церковь на этом самом месте. Возьми столб, который ты видишь подо Мною, и поставь его посреди новой церкви, а на нем установи Мое изображение: здесь будут совершаться неисчислимые чудеса во веки веков". Св. Иаков сейчас же принялся за работу со своими учениками, и церковь была воздвигнута (pilar — по испански — столб). Долго лились речи странника. Жадно, с полною верой, слушали его обитатели нашего замка. Слова странника они слагали в сердцах своих. Как будто на таинственных крыльях возносились они над повседневной жизнью своей, оставляя здесь,

Edward Zeller

на земле, свои бранные оболочки, умирая для житейских попечений. Окончил странник рассказ свой и утомленный пошел на отдых. Еще некоторое время слушатели были взволнованы; им казалось, будто странник не переставал говорить, не скрывался за дверь. Между тем, за стенами замка совершенно стемнело, и разыгралась настоящая буря. В окна хлещет дождь. Ветер, врываясь кое-где, завывая, заставляет всех подвинуться поближе к камину. А камин разгорался теперь во всю свою высоту. Здесь же расположились и служители замка. Зала, лишенная своих праздничных украшений, выглядит мрачно. Кое-где сверкает оружие, кое-где на стене трепещет тень оленьих рогов. Камин — любимое место всей семьи. Тут рассказывают бесконечные истории, а иногда и поют. Сегодня, например, старшая дочь барона спела, по просьбе всех, недавно выученную ей песню, произведение одного из известных трубадуров. Поэт выразил в ней чувство, знакомое сердцам обитателей и обительниц средневекового замка. Вот она в буквальном переводе:

„Вблизи источника в саду, при песчаной дорожке, под тенью плодового дерева, где распевали птицы, на ковре из зеленой травы и белых цветов я нашел одинокою ту, которая не желает мне счастья.

„Это — премилая душа — дочь сеньора, владельца замка. Я вообразил, что она пришла туда насладиться весной, зеленью и пеньем птиц; я полагал, что она охотно склонит свой слух к моему предложению. Но вышло совсем иное.

„Она принялась плакать у самого источника и, вздыхая из глубины сердца, сказала: „о, Иисус, царь мира, из-за Тебя несу я столь большое горе. Обиды, Тебе нанесенные, падают на меня, ибо сильнейшие в этом мире идут за море служить Тебе; так хочешь Ты!

„И он также ушел, он, мой прекрасный друг,

мой милый и сильный друг. Я осталась здесь одна, чтобы тосковать по нему, плакать, сокрушаться. Ах! какое нехорошее намерение возымел король Людовик, приказавший двинуться рыцарям в этот крестовый поход, который принес моему сердцу столько горя!

„Когда я услышал, что она сокрушается о своем жребии, я приблизился к ней вдоль светлого ручейка:— прекрасная, сказал я ей, свежий цвет и красота лица увядают от слишком большого плача. Вам не следует отчаиваться: Тот, Кто одевает листвою леса, еще может доставить вам радость!

„О, сеньор! — сказала она, — я верую в то, что Бог смилостивится надо мною когда-нибудь в другой жизни, как и над многими другими грешниками. Но, между тем, Он отнимает от меня на этом свет того, который составлял мою радость, того, кого я так худо берегла, и который теперь так далеко от меня!" *).

За мирными и приятными беседами время незаметно приблизилось к ужину. После него, перед отходом ко сну, хозяева выпили по кубку вина. Удостоверившись из доклада своего управителя, что все спокойно, а стражи на своих местах, барон отправился в опочивальню.

Там тлели уголья в камине, порою ярко вспыхивая, а за стенами замка неистовствовала осенняя буря.

*) Это произведение принадлежит трубадуру XII в. Маркабруну (Marcabrus). В этом грациозном стихотворении упоминаются второй крестовый поход, крайне неудачный для христиан, и французский король Людовик VII, его предпринявши.

Именем фазана.

(Из средневековых хроник).

уда направляет свой путь этот рыцарь Тевтонского ордена? Его белый рыцарский плащ с черным крестом и пегая лошадь мелькают между ивами, окаймляющими берега Иснера. Он направляется в замок пфальцграфа. „Этого хочет Бог! Этого хочет Бог!..“ Еще раз слова эти прозвучали от Рейна до Дуная, и во всех землях, здесь расположенных, провозглашена война именем Господа нашего Иисуса Христа и исполнителя Его воли, императора немецкого.

Во многих местах совершаются приготовления к новому крестовому походу за море. Повсюду установлен Божий мир, запрещены всякие тяжбы и денежные иски против тех, кто будет биться за Св. Гроб, чтобы никакие земные заботы не помешали им исполнить свое намерение. Черные монахи разъясняют в своих проповедях льготы, предоставляемые отправляющимся в поход буллою Святейшего отца. В кружки, выставляемые у церковных входов, в избии стекаются *динарии прощения и освобождения*: если приносится пожертвование на крестовый поход, если свободно приносится оно за душу, испытывающую мучения, душа эта освобождается от них и возносится на небеса.

В некоторых феодальных владениях собирают подати, отчуждают имущества, продают грамоты городам, и все это делается для того, чтобы собрать деньги на покрытие вызываемых походом издержек. В то же самое время объезжают лошадей, готовят упряжь для волов, девушки вышивают для рыцарей шарфы, оруженосцы берутся с конской сбруей.

Между тем как всеми этими делами занимаются обитатели замков, поселянин является вечером в деревенскую кузницу, где, читая про себя псалом, медленно полирует свой заржавленный дротик, который, еще находясь в руках его деда, свел короткое знакомство с сарацинской грудью. На его левом плече видно изображение креста, и еврей, одетый в особый костюм с желтой полосой*), завидев крестоносца при свете пламени, дрожит за свое существование, так как его братья всегда приходилось плохо в подобных случаях.

Никто из всех князей империи не взволнован так призывом к священной войне, как сам пфальцграф. Он хочет сдержать свое слово и пойти в Святую Землю, чтобы биться там за Господа и за христианство. Он решил собрать всех подвластных ему сеньоров и повести их вместе с их вассалами в Палестину. Вот с какою целью он пригласил их к себе на пир, но, как человек Благоразумный, никому не сказал заранее, ради чего устроил этот пир.

В назначенный день все приглашенные, а также и тевтонский рыцарь, собрались в замке пфальцграфа; дам принесли на носилках. кавалеры приехали на прекрасных голштинских конях. Всех прибывающих встречают на дворе слуги, одетые медведями и львами, и всех провожают в назначенные для них покои. В этих покоях для знатных гостей приготовлены вина, пряности и холодные кушанья, как напр., холодное из свиньи, пироги с капустой и т. под. А для дам, сверх того, — зеркала из полированного серебра, Кипрская пудра, туалетный уксус и духи.

Когда в назначенный час пажи протрубили, возве-

*) См. нашу книгу „Средневековый город“, стр. 28—29.

шая тем начало обеда, все приглашенные вошли через растворенные настежь двери в пиршественную залу.

Какое чудное зрелище представляла она! Без всякого преувеличения можно сказать, что пиршественная зала была так же велика, как средняя часть Кельнского собора. Дневной свет проникал в эту залу через окна прекрасной работы, с богато расписанными стеклами. Её стены были покрыты коврами, на которых была изображена история Св. Тезея, выводящего из ада собаку, и Язона вместе с таинством завоевания Золотого Руна *).

В этой зале было три накрытых стола, как выражались тогда, или три эстрады, как мы говорим теперь: одна — средних размеров, другая — большая, а третья довольно небольших размеров.

На эстраде средних размеров стояла церковь с расписными стеклами и колоколом **).

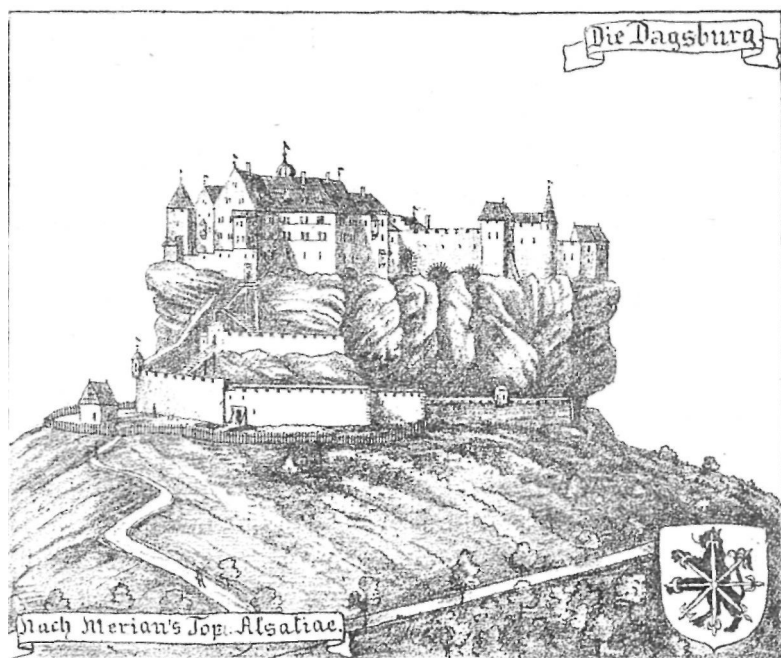
На большой эстраде было устроено подобие укрепления, в котором находилось двадцать музыкантов; из них каждый играл на своем инструменте, когда наступала его очередь. На той же эстраде был приготовлен, для второй перемены, замок, в роде Лузиньянского; на главной башне его была изображена, в виде змеи, Мелюзина ***), а две меньшие башни были предназначены для выбрасывания померанцевой воды в устроенные кругом замка рвы. Развлечением для третьей перемены должно было служить изображение

*) В рыцарском обществе господствовали самые смутные представления из области античной мифологии.

**) Во время пиров было в обычае устраивать различные зрелища, для чего делались известные механические приспособления. Делалось это обыкновенно, чтобы занять внимание гостей между переменами блюд, откуда забава эта и получила название *интермедии* (сперва *entremets*, а потом *intermede*).

***) Принцесса Мелюзина является предметом множества сказаний. Каждую субботу она превращалась в змею.

пустыни, в которой бился тигр со змеем. Четвертое изображение представляло дикаря на верблюде, как бы отправляющегося в дальнее путешествие. Пятая картина должна была состоять в следующем: какой-то человек бил палкою по кусту, из куста вылетали птички, а последних поедали дама и рыцарь, расположившиеся у самого куста. Дама улыбалась и как бы говорила, что человек этот безумно тратит свое

время, работая на других. Наконец, для последней перемены, было предназначено изображение сумасшедшего, мчавшегося на медведе через горы, покрытые инеем и льдом *).

*) Рисунок наш изображает замок Дагсбург (Dagsburg). Этот замок принадлежал одной из старейших эльзасских фамилий графов Дагсбургов, из которой происходил и папа Лев IX. В самом начале XIII в. оба последние представителя этой фамилии пали на одном турнире. Замок в настоящее время совершенно разру-

На третьей эстраде — для почетных гостей — (эстрады эти служили вместе с тем и столами) стояла башня, возвышавшаяся до самого потолка *).

Как только была прочитана молитва, и все заняли свои места, человек, стоявший на самой вышке огромной башни, протрубил в немецкий рог и стал कराулить, как это принято. Но, не видя никакой опасности, он начал забавляться, наигрывая на своем роге. Вдруг открылись четыре окна в башне, и из каждого окна выпрыгнуло по кабану, трубящему в трубу, и много других, странных фигур. Когда они вернулись в окна, последние опять затворились, но сейчас же раскрылись снова, чтобы дать дорогу трем овечкам и козлу, отлично сделанным; козел играл на волынке, а овцы на дудочках. Потом вооруженный человек, находящийся на верху башни, потребовал менестрелей, которые очень хорошо сыграли песню и вернулись в башню, подобно всем прочим. Наконец, все то же лицо вызвало своих певцов: из окон башни появились четыре серых осла и вполне прилично пропели песенку следующего содержания:

Когда б ослицею вы стали,
Моя владычица, я вас

шен; уцелела только капелла. Но еще в XVII в. он существовал в том самом виде, в каком изображен на рисунке. Рисунок заимствован нами из интересного издания *Naeher'a*, под заглавием: „Die Burgen in Elsass-Lothringen“, 1888.

*) Невозможно представить себе без удивления, какими размерами должна была отличаться зала, в которой могли помещаться такие огромные столы, с приспособлениями для приборов, необходимых для различных передвижений фигур. Так говорит *La Curnee de Sainte-Palaye* в своих известных мемуарах, описывая роскошный банкет, происходивший при дворе бургундского герцога Филиппа Доброго. Мы, с своей стороны, обращаем еще раз внимание читателей на выше находящийся рисунок, изображающий развалины гигантского камина. Как эта, так и другие, подобные руины средневековья дают возможность составить довольно определенное представление о размерах замковых зал, даже при скептическом отношении к средневековым хроникам, склонным к преувеличениям.

Не бросил бы в тот час печали,
 В тот злополучный, страшный час.
 Я сам готовь бы был кусаться.
 Я сам готов бы был лягаться,
 Носил бы тяжести, как мог,
 И поедал чертополох,—
 И все бы, все переносил,
 Но вас по-прежнему любил.

Тут вдруг заиграл орган в церкви, стоявшей на первом столе, а менестрели, сидевшие в укреплении, произвели такой шум, что казалось, будто слышатся и звуки рогов, и крики охотников в лесной чаще.

Эти сцены особенно удивляли господ немцев, которые, однако, не позабывали потягивать рейнвейн из прекрасных стаканов зеленого стекла или из рогов, украшенных золотыми и серебряными кольцами. С такой же охотой они и кушали, так как в их распоряжении было много прекрасных блюд: более 16-ти сортов супа, колбасы, начиненные мясом каплуна, рагу из оленьего мяса, бараньи ноги, приправленные шафраном, кабанье мясо с изюмом и сливами, Брисговские ржанки, Арденнские курицы, соус из вареной моркови, прекрасные хлеба: кроме того, здесь были пирожные в виде растений, животных, а также — изображающие и другие фигуры. Но особенное внимание обращала на себя новый овощ, прибывший от мавров из Испании и называвшийся испанской зеленью или шпинатом: так, по крайней мере, называл ее распорядитель обеда, сидевший на высоком кресле у поставца, обремененного серебряной посудой, и державший в руках особую лопаточку, которой он пробовал бульоны. Он раздавал приказания всем служащим при кухне: прислужникам, разносящим кушанья, кухонным мальчикам, вертельщикам и многим другим.

Кравчий, правая рука которого была обернута Брюгским полотном, белым, как снег на деревьях,

резал хлеб и давал его пробовать особому прислужнику; тоже самое он делал и с соусами, обмакивая в них ломтики молочного хлеба; вообще он пробовал по кусочку от каждого кушанья.

Вот подали наконец седьмую перемену — „золотое блюдо“; называлось оно так потому, что у птиц, составлявших его, были позолоченные лапки и клювы. Тогда-то и разыгралась специально предназначенная для этого званого обеда интермедия.

В дверях залы показался великан-сарацин, в мавританском тюрбане на голове. Он вел прекрасного большого слона, покрытого алым бархатом. На нем стояла палатка, в которой находилась дама, одетая в глубокий траур. Взглянув на общество, она обратилась к сарацину с такими словами:

Останови ты здесь слона,
 Пред этим обществом отборным
 Я кое-что сказать должна;
 И с интересом непритворным
 Меня послушают они...
 Слона скорей останови!

Сарацин остановил слона перед самым хозяином. Тогда дама подняла свою вуаль и сказала:

„О плачьте, плачьте все, кого я вижу в зале!
 Святая Церковь — я: меня вы не узнали?
 О, вспомните теперь о всех моих бедах,
 О всех разрушенных святых монастырях,
 О всех погибнувших поборниках Креста!
 Сокрыли волны их; сомкнула им уста
 На веки смерть в бою... Они иль тлеют в поле,
 Иль жизнь еще влачат у сарацин в неволе.
 Чем больше сожаленья я встречаю,
 Тем меньше помощи, мне нужной, получаю.
 И вот брожу теперь
 От замка к замку, в дверь
 Стучусь и жду, кто первый отзовется,
 В ком жаркое желание проснется
 Помочь скорее мне, меня не забывать...
 Тому да ниспошлет Всевышний Благодать!
 О, плачьте, плачьте все, кого я вижу в зале!
 Святая Церковь — я: меня вы не узнали?“

Всякий понял, что дама читала свою роль и изображала собою Восточную церковь: она просила помощи против сарацинов, которые поступали дурно с её последователями и пилигримами и разоряли Св. Места *).

Между тем, как по поводу этого беседовало все общество, паж, стоявший у почетных дверей, протрубил три раза в свой рог. Тогда в дверях показался герольд. Он держал в руках серебряное блюдо, на котором находился живой фазан, украшенный золотым ожерельем с жемчужинами, сапфирами камнями и рубинами.

Вместе с герольдом вошли две девушки, а также рыцарь в полном вооружении, с копьем, обращенным острием вверх, как будто готовый сейчас же сражаться за веру.

Все они подошли к хозяину, сделали ему глубокий поклон, после чего герольд сказал: „Глубокоуважаемый господин! Вот эти дамы почтительнейше обращаются к вам. Исстари заведено, чтобы на празднествах преподносилась князьям и сеньорам Благородная птица, над которой они произносят обеты, имеющие особенное значение. Дамы и направляют меня сюда с фазаном для указанной цели”.

При этих словах хозяин поднялся с своего места и протянул руку к фазану. „Слушайте, слушайте!” прокричал герольд. Тогда хозяин произнес следующую речь звучным голосом: его голос гремел, как Гейдельбергские бочки в пору сбора винограда.

„Я приношу обет прежде всего пред Господом Богом и Преславною Девой Марией, потом пред дамами и фазаном, — возложить на себя крест, для

*) Подобная же интермедия была разыграна в 1453 году при дворе Филиппа Доброго, герцога Бургундского, в г. Лилле. Подробное описание её сохранилось в хрониках Матвея де Куси (Mathien de Couci) и Оливье де ла Марша (Olivier de la Marche), бывших её свидетелями.

совершения крестового похода, и отдать свое тело на защиту Св. Гроба и Св. Веры. Я сделаю для успеха предприятия все, что могу сделать лично, чего могу достигнуть своей властью, лишь бы только мне оказал Свою милость Господь. Если бы я узнал как-либо, что со мною желает вступить в поединок сам султан, я буду биться с ним и одолею его с помощью Бога и Его Всеблагой Матери, которых я всегда призываю к себе на помощь".

После этого хозяин сел на свое место и стал смотреть на всех присутствующих, как бы приглашая их последовать его примеру.

Тогда в зале пиршества воцарилось такое молчание, что было слышно, как вертится флюгер, погоняемый восточным ветром, так ясно, как будто бы все находились на верхушке главной замковой башни. Действительно, в зале был не один сеньор, который и не помышлял никогда о крестоносном предприятии и дорого бы дал, чтобы быть подальше от пиршественной залы или, по крайней мере, иметь в своей обуви немного соли и попутника, чтобы сделаться невидимым. Те из присутствующих, у кого финансы и все вообще имущество находились в прекрасном состоянии, с сожалением помышляли о том, что им придется разбудить те флорины, которые почивали в их мешках, войти в большие издержки - делать пожертвования в монастыри для обеспечения благоприятных результатов своих странствований, бросить свои домены на расхищение соседям, — и все это для того, чтобы рисковать своею головой на Сирийских равнинах, превратившихся как бы в пиршественную залу для воронов. С другой стороны, они предпочитали Гакеймское вино воде Иорданской и Бенфельдскую кислую капусту ломтям Дамасского верблюда. Но они не могли опозорить себя в глазах рыцарства и своего сюзерена, отказавшись посреди та-

кого блестящего общества принести обет перед дамами и фазаном. Наконец, они боялись своим отказом прогневить своего сюзерена, так как последний, разумеется, не преминул бы отомстить им за это тем или другим способом.

Пока они находились в таком затруднительном положении, один из приглашенных, сир Рюбенталь, которому рейнвейн сообщил внезапное вдохновение, вдруг поднялся со своего места и, покачиваясь, направился к даме Рутвель; склонившись перед нею на колени, он взял ее за руку, закрыл свой правый глаз и произнес без запинки и совершенно внятно: „Клянусь перед дамами и фазаном, что я не стану открывать этого глаза при дневном свете, пока не увижу сарацинского войска *). Я нападу на султанское знамя и, полагаясь на силу оружия, а также любви и дружбы, я переверну его, если оно не прикреплено каким-либо цементом". Произнеся эти слова, он поднялся при звуках труб, в которые трубили менестрели, при восклицаниях дам; из последних многие были рады удалению своих супругов, которые завоевали бы крестовым походом прощение как себе, так и им.

Тогда герольд стал обходить стол, чтобы поднести фазана каждому из пирующих, и прежде других поднес его маркграфу Анспахскому, который сидел возле хозяина замка.

„Ну, — сказал маркграф соседу, сидевшему с другой стороны и никогда не помышлявшему о кре-

*) Рыцари давали самые разнообразные и странные для нас обеты помимо обета обнаружить так или иначе свое мужество: не спать на постели, не обедать на скатерти, воздерживаться в известные дни недели от мяса и вина, совершенно не надевать на себя какой-либо части своего вооружения или, напротив, иметь ее на себе день и ночь, закрывать какой-либо глаз повязкой и не снимать ее в продолжение известного времени и т. п.

стовом предприятии, — этот безумец Рюбенталь перешел брод... Мед готов, теперь следует пить его без сожаления... Клянусь белой дамой замка Розенберг! мы попали в настоящую засаду!..." *).

И, протянув руку к фазану, он сказал: „Клянусь перед дамами и фазаном, что я буду служить делу, по мере своих сил, если только высокочтимый сеньор желает, чтобы я отправился в сообществе его в заморское путешествие“.

Рыцарь, с которым беседовал маркграф, произнес точно такой же обет, но сир Оттенгейм, сидевший с ним рядом, воскликнул:

„Я клянусь перед дамами и фазаном, что, если поход состоится, я напишу свое имя концом своего копья на воротах Сен-Жан-д'Акра. До тех пор по пятницам я не буду есть никакой живности. Если я узнаю, что у султана найдутся единоверные ему бароны, которые пожелают сразиться со мною, я побью их с помощью Бога и Его Всеблаготворительной Матери, которых я всегда призываю на помощь!“ **).

Сир Стольберг, который был очень горяч и вполне сочувствовал предприятию, сказал в свою очередь: „Я клянусь перед Богом и славнейшею Девой Марией, перед дамами и фазаном, что я не буду останавливаться ни в опоясанном стенами городе, ни в замке, пока не одержу победы над сарацинами. Я совершу это с помощью Богородицы, ради любви к Которой, я никогда не буду спать" на постели по субботам, пока не исполню обещанного. Если моему

*) Белые дамы — волшебницы, присутствующая при рождении детей и изрекающая им будущее. Из этих фей особенно славилась в Германии белая дама замка Розенберг. При рождении детей или по случаю браков она являлась вся в белом; являясь для того, чтобы возвестить предстоящую кончину, она надевала черные перчатки.

***) Помещенный на следующей странице рисунок французского художника изображает эпизод из жизни короля Людовика VII, когда ему пришлось биться одному с несколькими сарацинами.

Создателю угодно будет вернуть меня живым из предстоящего странствования, я обойду три христианских королевства и буду биться там со всяким встречным рыцарем и на коне, и пеший".

Сир Пфальцкий, совсем старый и немощный, очень важно произнес следующие слова: „Так как, по своей старости и слабости, я не могу отправиться в крестовый поход лично, то клянусь перед Богом,

дамами и фазаном, что вместо себя я отправлю одного из своих сыновей с четырьмя вооруженными людьми и буду содержать их на жалованья в течение одного года и одного дня".

Так были произнесены присутствующими различные обеты.

Обходя гостей, при трубных звуках, герольд подошел к тевтонскому рыцарю, белый плащ которого с черным крестом и пегая лошадь мелькали утром между прибрежными ивами. Он был в высшей степени серьезен и как будто погружен в мрачные мысли. Герольд обратился к нему с предложением произнести обет именем фазана. Он встал, закутанный в свой плащ, и суровым голосом монаха, распеваящего „Salve, Regina", крикнул: „Во имя Божие! такого обета произносить я не стану!"

При этих словах поднялся страшный шум, и громче всех кричали те, которые менее всего желали отправляться в задуманный поход.

— Ведь это значит грешить перед дамами и фазаном! — вскричал один из них. Я не потерплю никогда, пока жив, чтобы кто-либо поступал таким образом!

— Клянусь Св. Гвоздем, находящимся в Трире — сказал сир Оттенгейм.— Такой дерзости еще никогда не позволял себе человек, носящий золотые шпоры!

— Их следует сорвать с его ног и бросить в навоз, — прибавил сир Рюбенталь.

— И щит его следует стащить в грязь и разбить его, как этот кубок! — сказал сир Стольберг, кидая в стену свой стеклянный кубок, наполовину налитой кирш-вассером.

— Да, да... кричали со всех сторон. Пусть покроется позором, пусть испытает всякие беды тот вероломный, кто провинился перед дамами и фаза-

ном!.. долой с него шпоры!.. разрезать скатерть перед ним *)... перевернуть его хлеб!..

Все более и более росла ссора, возрастал шум; можно было бы подумать, что слышишь свору ищеек, лаящих при выходе из своих конур; так мало шел этот шум к благородным рыцарям, собравшимся на банкете. Сам хозяин направился, нахмутив брови, в сторону тевтонского рыцаря, очевидно, с тем, чтобы побранить его, как вдруг он, не трогавшийся до тех пор с места, не смотря на все крики, как не двигается с места каменное изображение святого, не смотря на пение пилигримов, скрестил руки на груди и обратился к присутствующим с такими словами: „Граф, и вы, благородные сеньоры! не думайте, не думайте, что я отказываюсь произнести обет именем этой благородной птицы из презрения к дамам и вам... Не думайте, что в мою душу закрался страх, что я боюсь опасностей священного предприятия... о, нет! Вооруженный верою изнутри и железом извне, я не боюсь (я это хорошо знаю) псевдо-небесных полчищ и смешных ангелов Магомета! Скорее прекратится движение небесного свода, скорее выйдет пламя из льдин, наваленных на очаг, чем я забуду тебя, Иерусалим! И если бы со мною приключилось когда-либо подобное несчастье, пусть я буду забыт в среде людской! Но, клянусь копьем, которым был прободен Спаситель, подобные мысли далеки от меня. Если же я отказываюсь произнести обет именем этой птицы, то лишь по той причине, что сердце мое разрывается при виде того, как священное предприятие провозглашается на мирском пиршестве, среди сатанинского великолепия! О, Петр Пустынник, не таким путем воины

*) С XIV в. вошло в обычай отправлять к лицу, вызываемому на поединок, с целью его наказания, человека, который должен был разрезать перед ним скатерть.

Христовы выступили с тобою в крестовый поход! Разве они готовились освободить Св. Гроб, источник будущей жизни, среди пиршеств, при звуках музыки?.. Чтобы слышать Слово Божье, верующие, не обращая внимания на погоду, сходились и на равнине, и в лесу, и на горных вершинах, и в ложе потока... А теперь нужны пиры и песни, чтобы соединить их и укрепить в них колеблющееся призвание! Когда-то самые богатые оставляли все, чтобы идти за священным знаменем: так поступил граф Блуасский, у которого было столько замков, сколько дней в году. Уж я не говорю о Благородном короле Франции, монсеньоре Св. Людовике, который пьет теперь воду милосердия из райской реки. Во время его благословенного царствования уже сильно охладилась любовь к Дому Израилеву, но он все согрел своею ревностью, более могучей, чем сама смерть! Золото ценилось дешевле железа, даже женщины снимали с себя свои драгоценности, чтобы жертвовать их на освобождение Св. Мест, и в казне, собранной на это предприятие, лежали груды серебра и золота, как груды виноградных ягод в тисках! Нет, слезы Св. Церкви столь же бесплодны, как и семя, брошенное в степной песок; пора борьбы позабыта, и защитников Креста приобретают ничтожными уловками, разжигая плотские вождения!.. Не извлекайте из ножен вашего меча, сир Рюбенталь... придет время обнажить его в присутствии сарацин... Не грозите мне жестами... Тот не боится ни дерева, ни стали, кто говорит во имя Господа Сил, а Он вдохновляет меня в настоящую минуту и говорит моим именем!.. Этот Всемогущий Бог полон милосердия и Благости. Он сострадает слабостям людей и прощает их ошибки!.. Но Он поражает и унижает того, кто совращает своих ближних с пути спасения! Ты слышишь меня, пфальцграф? Среди

сеньоров, подвластных Палатинату, мои глаза напрасно ищут того, кто должен был бы явиться сюда первым — сира Риффенаха".

— Риффенаха! — сказал хозяин тихим голосом, в таком смущении, как будто бы он увидел тень св. Бернарда. — Риффенаха? рыцаря-стеколыщика, живущего в лесах Форальберга? В минувшую Пасху он отказался принести мне ленную присягу... Как же я могу заставить его придти сюда, на это пиршество? Ни один князь из Швабского дома, даже сам император, не отважился проникнуть в те горы, где он собрал в тени своих горнил всех разбойников Палатината. Говорят, что он занимается там делами, достойными осуждения, чтобы иметь возможность выделять те чудные произведения, которые продаются по высокой цене во всей Германии. Говорят, что он осмеливается хулить св. Крест и отрицать божество Христа... *).

„Я знаю этого Риффенаха", прервал его тевтонский рыцарь. Я знаю, что он стоит на дороге к гибели; но овцу эту еще можно загнать в овчарню. Добрый пастырь должен спешить, так как Риффенах смеется над верными, собирающимися в святое предприятие, а такой пример слишком опасен для веры. Что будет, если он откроет у себя убежище для всех вассалов, которые не откликнутся на призыв к священной войне и будут убегать к нему из боязни идти в Св. Землю?.. Сегодня же, до окончания настоящего вечера, я буду в замке Риффенаха!"

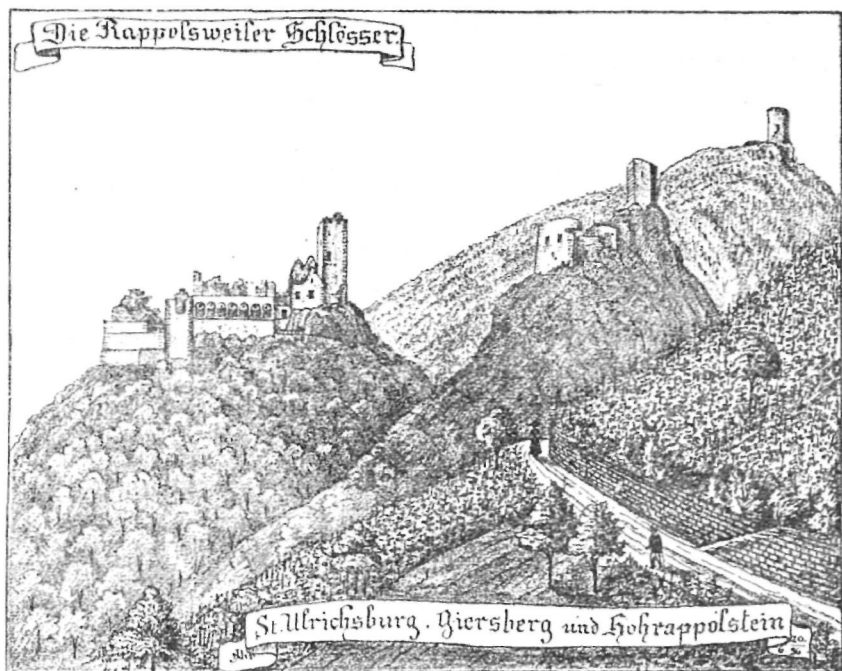
— В замке Риффенаха! — воскликнули все присутствующее, из которых каждый едва осмеливался произнести это имя.

„Да, ответил рыцарь духовного ордена. Я понесу

*) Рисунок на стр. 109 изображает 3 Раппольтсвейлерских замка. Рисунок заимствован из того же издания, из которого взято изображение Дагсбургского замка (см. выше).

к нему Слово Божье! Я верну его на путь спасения, если только он не сделался вассалом сатаны. Но, нет! Благодать должна действовать! Прощай, пфальцграф... Мы увидимся в Шпейере, где сойдутся крестоносцы, и я приду туда не один!"

Сказав это, он покинул пиршественную залу, прошел через двор, и скоро на подъемном мосту послышался топот пегой лошади.

Прошло много времени, но никто из гостей не прерывал молчания; все были взволнованы только что сказанной речью. Все даже недоброжелательно относившееся к священному предприятию, раскаивались и давали разные обеты. Пфальцграф, и тот был также довольно смущен, так как и он был задет мимоходом в речи тевтонского рыцаря, хотя имел самое хорошее, святое намерение.

Вместо того, чтобы слушать легенды жонглеров и их любовные баллады, как это всегда бывает в

конце княжеских пиров, все общество разошлось потихоньку, и скоро замок погрузился в свою обычную тишину.

Между тем, тевтонский рыцарь ехал по равнинам Палатината. Вот он оставил в левой стороне Глюкштадтский пруд, и последние лучи солнца догорали на соснах Форальберга, когда он прибыл к подножию горы, которой так боялись все добрые люди, все крестьяне окрестных мест.

В самом деле, сир Риффенах вел жизнь странную в такой степени, что изумлял всех. Хотя все чужестранцы принимались в его владениях очень хорошо, хотя его вассалы и работники жили прекрасно, и последние получали отличное жалованье, он показывался перед ними только по ночам. Обходя в эту пору все свои горнила, он заправлял работами и придавал стеклу такие фантастические формы, что их считали делом какого-нибудь адского духа; то он сам дул в раскаленные трубки, то собственноручно разбивал прекраснейший сосуд, как будто не желая, чтобы он доставлял удовольствие людям, которых он вообще ненавидел и презирал.

Он стал вести такой образ жизни, возвратившись из долгих странствий по Франции, Англии, Кастилии и Италии. Он не принимал к себе никого из своей знатной родни и отказывал в каком бы то ни было почтении пфальцграфам, от которых зависел его феод. Для поддержания своих прав он организовал своих товарищей по занятию в своего рода военный отряд, и они колотили не на шутку вассалов пфальцграфа.

Чтобы обезопасить себя на случай непредвиденного нападения, сир Риффенах укрепил свой замок, хотя в нем не было подъемного моста, а только крепкая опускная железная решетка в воротах (см. первый очерк). Крутые тропинки, которые вели в

замок, могли быть отрезаны для поднимающихся по ним в одно мгновение ока: стоило только затрубить тревогу сторожевым людям, стекольщикам или дровосекам, сторожившим по склонам и оврагам Фюральберга.

Вот по таким-то тропинкам, на которых лежали и огромные стволы деревьев, и куски скал, пробрался тевтонский рыцарь в замок Риффенаха. Стража не подала никакого сигнала об его прибытии, так как в этом месте совсем не опасались одинокого путника, обращая большое внимание лишь на толпы вооруженных людей.

Уже наступила ночь, но ни одна звездочка не выглядывала между серыми тучами, бежавшими по небу. При свете, исходившем из горнил, можно было ясно различить почерневшие стены замка. Густой дым, вырывавшийся из них и днем, и ночью, так иссушил соседние деревья, что их можно было сравнить с теми освященными ветками, которые добрые люди вешают на стенах своих хижин, чтобы предохранить их от грома.

В этом месте не было слышно никакого шума, кроме треска пламени. Здесь не встречалось ни одной живой души, кроме разве стекольного рабочего, тень которого выростала и растягивалась вдоль багряных стен, когда он шел за сосновыми иглами или сухими сучьями виноградной лозы, собранными в такие огромные кучи, которых было бы совершенно достаточно, чтобы сжечь всех колдунов Палатината.

Увидев такого рабочего сквозь железные прутья решетки, тевтонский рыцарь затрубил в свой рог из слоновой кости. Рабочий подошел к решетке и глухим голосом спросил посетителя:

„Кто трубит в такой поздний час перед замком Риффенаха? Должно быть, это слуга, разыскивающий ищеек или заблудившихся животных?“

Тевтонский рыцарь ответил отрицательно.

„Во всяком случае, — продолжал рабочий, прислушиваясь к звону рыцарского вооружения, — это — не пилигрим, потому что раковины не издают подобного звука" *).

— Пилигрим! Да, мы все — пилигримы на этом свете, — отвечал рыцарь. — Но доложи сиру Риффенаху, что герцог Мюнстерский, рыцарь тевтонского ордена, стоит у решетки и желает быть введенным в замок.

Рабочий удалился, не сказав ни слова. Но скоро он появился снова в сопровождении четырех совсем закоптелых от дыма людей, с бердышами и зажженными факелами в руках. Решетка поднялась, как будто повинувшись какой-то невидимой силе; тевтонский рыцарь вошел во двор, перебрался через него и приблизился к двери, которая открылась перед ним сама собою. Пройдя две комнаты, слабо освещенные лампами, он очутился в зале, которая поразила бы всякого рыцаря, менее занятого мыслями о небе.

По стенам этой залы было развешено или расставлено на великолепных подставках бесчисленное множество хрустальных изделий, имеющих самые фантастические формы; они отражали свет, разливаемый по зале двумя серебряными лампами, свешивающимися с потолка на серебряных цепочках. Тут же виднелось оружие, лежали ковры и иноземные драгоценности, вывезенные сиром Риффенахом из его путешествий и неизвестные в Германии даже по имени. На столе, покрытом позолоченной кожей с гербом Риффенаха, виднелись песочные часы, прибывшие с Востока, два испанских кинжала, ножи с рукоятью из алойного дерева, два серебряных зеркала, украшенных руби-

¹⁾ См. очерк „Среди семьи“, а также „средневековый город“ стр. 32.

нами, золоченая вода в хрустальном бокале, несколько рукописей с раскрашенными рисунками, а также — трубочки, подносы, реторты, сита, поршни, раздувательные меха и плавильники. Все это было необходимо как для усовершенствования стекла, так и для работы над тем большим делом, которым, как говорили, много занимался сир Риффенах.

Сир Риффенах, одетый в табар*) из черного бархата с серебряной бахромою, сидел за описанным столом, глубоко задумавшись, по своему обыкновенно. Его люди уверяли, что он иногда по три дня под ряд оставался в такой задумчивости, не говоря ни слова и не принимая ничего, кроме нескольких капель золоченой воды. Может быть, по причине такой воздержанности, он и был так бледен, а бледность его выступала еще резче по контрасту с цветом табара.

Медленно поднимаясь с места и внимательно оглядывая вошедшего, он сказал глухим голосом:

„Что угодно здесь герцогу Мюнстерскому, тевтонскому рыцарю? Что привело его в замок Риффенаха?“

— Дело Божие и дело человеческое! — отвечал рыцарь.

„Божье дело! — возразил Риффенах, смеясь смехом падших ангелов.— Бог сил все-таки нуждается в бойцах? Допустим... ну, а люди?.. быть бойцом за людей не то же ли самое, что быть бойцом за фюральбергских волков? ведь и они пожирают друг друга только по нужде, побуждаемые к тому голодом! Наконец, за кого же мне биться? и где поле поединка?“

Тевтонский рыцарь.

— Поле поединка? Оно — на равнинах Дамаска, на берегах Иордана, у подножия Христова Гроба! Хри-

*) Длинное одеяние, надевавшееся сверх вооружения.

стос имеет надобность в верующих в Него, чтобы прославить имя Свое, но, если бы пожелал, то мог бы уничтожить врагов одним дуновением. —

РИФФЕНАХ.

„Так пусть же уничтожает их, а вместе с ними и всех изменников: мир превратится в пустыню!“

РЫЦАРЬ.

— Он дает им время раскаяться...—

РИФФЕНАХ.

„Делать еще зло!“

РЫЦАРЬ.

— Неужели ты никогда не нашел человека, живущего по-божески?

РИФФЕНАХ.

„Нет... и никогда не найду такого... Только солнце зашло, в тени — одни злые!“

РЫЦАРЬ.

— Слушай, сир Риффенах! Я понимаю, что с того дня, когда мы оба покинули двор графа Вительсбаха, — ты для путешествия по Европе и приобретения знания из самых источников его, я — для поступления в воинство св. Георгия, с тобою могло произойти что-либо дурное, люди и обстоятельства могли тебя обмануть, несправедливость могла раздражить твой ум, неблагодарность охладить твое сердце... Ты видел при блистательных дворах только эгоизм, ошибки, суету, и с тех пор ты с ужасом смотришь на всех людей! Но тебе остается еще источник утешения. Чтобы зачерпнуть из него, пади в объятия Христа, объяви себя Его защитником! По крайней мере, Он никогда не был неблагодарными! Правда, в среде людей господствует равнодушие, но в Германии еще существуют служители Креста, и скоро их армия будет столь многочисленна, что ни реки не будут

в состоянии перенести ее на себе, ни горы выдержать. Некоторые сеньоры еще медлят вступить на добрый путь, но они составляют меньшинство. За то другие со всем усердием идут в крестовый поход...—

РИФФЕНАХ.

„Еще бы! Это — прекрасное и короткое средство заплатить свои долги, так как булла дарует им отсрочку...“

РЫЦАРЬ.

— А что ты скажешь о богатых и сильных мира сего, которые не нуждаются ни в каких отсрочках?—

РИФФЕНАХ.

„Что они- вынуждены отправиться за море, чтобы последовать за своими вассалами и управлять ими, а то, в противном случае, их вассалы, вернувшись домой, стали бы отрицать их авторитет...“

РЫЦАРЬ.

— Как мало веры!.. А разве прелаты не покидают свою паству, свои кафедры?...—

РИФФЕНАХ.

„Чтобы приобрести бенефиции на Востоке" *).

РЫЦАРЬ.

— Но низшее духовенство ведь не может же питать подобной надежды? —

РИФФЕНАХ.

„Монахи?.. Они рады уже и тому, что расстанутся с монастырской скукой и будут есть хлеб новой выпечки“.

*) След. рисунок заимствован нами из издания „Die deutsche Geschichte in Bildern nach Originalzeichnungen deutscher Künstler, mit erklärendem Texte von Dr. Bülau, Professor an der Universität zu Leipzig“. Он изображает Св. Бернарда, проповедующего второй крестовый поход, на Рождестве 1146 г., в Шпейерском соборе в присутствии Конрада III, первого императора из Гогенштауфенов.

РЫЦАРЬ.

— Белое духовенство ежедневно стекается под священное знамя... —

РИФФЕНАХ.

„Они бегут от публичного покаяния“.

РЫЦАРЬ.

— А разве не следует считать достаточно суровым наказанием то, что они делают, то есть странствование босыми ногами? —

РИФФЕНАХ.

„Это они делают по недостатку денег, не будучи в состоянии купить себе ни сандалий, ни башмаков...“

РЫЦАРЬ.

— Сир Риффенах, да неужели же ты будешь постоянно высмеивать слугителей Бога Живого? Ты не

можешь видеть их самоотвержения, которое, словно терн, колет твои глаза! Неужели ты будешь упорствовать в своем грехе долее, чем те бандиты, которые покидают свои пещеры, свои леса, чтобы сражаться и погибать под знаменем Христа? —

РИФФЕНАХ.

„И это мне совершенно понятно: они бегут от виселицы... Да, неужели же ты серьезно думаешь, что Риффенах на столько глуп, чтобы идти за этими стадами в Сирию, как будто в Германии не останется могил для всех? Неужели ты думаешь, что я брошу свое имущество на разграбление тем из моих Благородных соседей, которые, разумеется, очень желали бы моего удаления! Клянусь белой дамой замка Розенберг! прошло то время, когда достаточно было присутствия черной рясы да бритой головы, чтобы оторвать целые народности от их домашних очагов. Теперь мы знаем, как управлялись, как жили тогда эти ревностные друзья Бога!.. Между защитниками Сиона царили грехи Вавилона. Вожди их все время ссорились друг с другом из за честолюбия, сварливости и стремления к роскоши; если они и соединялись, как пальцы на руке, то для того только, чтобы избивать грязных жидов. А разве не служили они идолам, когда шли в поход в предшестве козы и гуся? *) Все это для того, чтобы питаться чертополохом, погибать от нищеты на Сирийских равнинах и не иметь иного савана, кроме заржавевшего

*) Один из средневековых историков, а именно Альберт Ахенский, рассказывает, что крестоносной, толпе, отправившейся в первый крестовый поход до рыцарских ополчений, предшествовали коза и гусь, которым толпа, по суеверию своему, приписывала нечто божественное (*anserem quemdam divino spiritu asserebant afflatum et capellam non minus eodem repletam et hos sibi duces secundae viae ferebant in Ierusalem. Albertus Aquensis. Chronicon Hierosolymitanum de bello sacro, lib. I, cap. 31.*)

вооружения! Нет, Риффенаха не надуешь... Он не пойдет на защиту того дела, которое бросил и сам Петр Пустынный, когда покинул армию христиан в Антиохии, дезертировал, как ворон из ковчега! Нет! Этих примеров для меня достаточно, и никогда Риффенах не подвергнется той болезни, которую можно назвать крестоманией (*la Folie de la Croix*)".

— Анафема нечестивцу! — вскричал тевтонский рыцарь, отрясая свой плащ. — Да воскреснет Бог, и расточатся врази его! Довольно слушать богохульства... Крестомания! *Stultitia Crucis*... Вот он — язык израильских козлиц! Сир Риффенах, ни грехи твои, ни твое упорство в них не отпустятся тебе... Я ухожу, я покидаю твой замок, как Лот покинул Содом и Гоморру. Я предаю твою душу, эту десятину сатаны, силам ада!

Сказав это, он вышел из зала. За дверью он нашел рабочих, которые были так же молчаливы, как их протазаны. Они проводили его до решетки, которая поднялась и сейчас же опустилась позади рыцаря.

„Мюнстерский герцог, — говорил про себя сир Риффенах, сидя один в своей хрустальной зале, — спятил с ума. Он всегда, бедняга, отличался слабым умом и легкомыслием; в противном случае, он не обманулся бы... Да сходил ли когда-либо на землю Христос? Может быть... да... Простаки! они мечтают, что Средиземное море высохнет, чтобы они могли пройти по дну его в Сирию. Ха-ха-ха! удивительно я весел сегодня вечером!.. А все-таки, герцог смутил меня своими предсказаниями. Что, если он говорил правду? Как горели его глаза! Они сверкали, как уголья в этом камине"...

Взглянув машинально в камин, он вдруг увидел, что его задняя стена краснеет и делается про-

зрачной, как хрусталь... Вот показался рыцарь в черных доспехах, с опущенным забралом, и стал его манить к себе рукою.

Побуждаемый непобедимую силою, сир Риффенах повинуется. Пройдя по угольям, как будто по траве на Интерлакенских лугах, он подошел к черному рыцарю, который схватил его за руку и углубился с ним в какую-то мрачную галерею. Сир Риффенах пытался несколько раз говорить, но его язык производил лишь какие-то невнятные звуки, как язык немого, заблудившегося на ярмарке. Он хотел уже сделать последнее усилие, как внезапно открылась дверь, и перед ним предстало такое зрелище, от которого Бог хранит даже наших врагов.

В глубине огромной залы, устланной белеющими костями, со стенами, затянутыми паутинами и крыльями летучих мышей, возвышался железный алтарь, на котором горели голубоватым пламенем серные свечи. Вокруг него стояли рядами ббб рыцарей в черных доспехах, с опущенными забралами, точь-в-точь как у спутника сира Риффенаха. Возле алтаря стоял скелет, одетый в черную далматику без креста, а рядом с ним — человек с рыжей бородою, в сером полукафтаныи, в голубой обуви и в шапочке, убранной лентами огненного цвета...

Вдруг послышался звук пастушьего рожка, зашвистал ветер, послышались громовые удары, хрюканье свиней. Забрало у каждого из ббб рыцарей поднялось, обнаружив смуглые лица, клыки и пасти, из которых, как и из ушей, напоминающих медвежьих, вылетали пламя и дым. У каждого обнаружился сзади длинный, пушистый хвост, а на руках и ногах появились широкие когти, испускающие пламя. Та же самая перемена произошла и со спутником сира Риффенаха. Подняв кверху правую руку, спутник Риффенаха произнес следующие слова:

„Царство сатаны торжествует, и враги его расточились! Оно считает одним бойцом более, а Церковь одним бойцом менее. Сир Риффенах, новый ангел мрака! да будет смерть с тобою, да шествует она около тебя, против врагов сатаны. Воин ада, прими этот знак, и пусть при одном взгляде на него уничтожаются все воины Христовы!”

И на то же самое плечо, на которое крестоносцы возлагали символ искупления, он положил свои пылающие когти. Пожираемый огнем до самых костей, сир Риффенах испускает страшный крик, силится бежать...

В это время послышалось пение петуха, все исчезло, и Риффенах сидел один в своей хрустальной зале. На его крик сбежались его слуги и рабочие. Они вообразили, что он подвергся какой-либо страшной боли, или на него напали убийцы. Они предлагают ему и оружие, и укрепляющее лекарство. Бледный более обыкновенного Риффенах, по-видимому, совсем не слышит их.

„Это — он... это — он, говорит Риффенах коротким, отрывистым голосом, как умирающий. Я его хорошо видел... Это — сатана, сам сатана... О, как он сжал мою руку своею! Его глаза пылали, как угли в горне... Он называл меня бойцом ада!”

— Вероятно, вы видели дурной сон? — спросил у него почтительно мастер Кольб.

„Сон? возразил Риффенах. Нет, не сон! Он сказал: прими этот знак, и знак здесь... я его чувствую... он жжет, он пожирает меня... Кольб, Кольб, и вы, Тоберн и Глабер, снимите, сорвите с меня этот табар... Вы видите что-нибудь на правом плече?”

Кольб, Тоберн и Глабер безмолвствовали и переглядывались между собою, леденея от ужаса. Но сир Риффенах схватил два серебряных зеркала

и, поместив их друг против друга, увидел на правом плеч следы сатанинских когтей.

„Бог проявляется, сказал он после нескольких минут молчания. Бог проявляется... Его голос слышится мне... Буду повиноваться, если еще не ушло время... Гоберн, пусть оседлают моего боевого коня... пусть поднимут решетку... я отправляюсь один!"

Все было готово для отъезда сира Риффенаха. Он помчался по направлению к замку пфальцграфа, где он надеялся встретить Мюнстерского герцога и думал просить его быть его крестным отцом по крестовому походу.

Он был так углублен в свои думы и в свои воспоминания о всем виденном при дворе сатаны, что совершенно сбился с дороги, ведущей к парому, и забрался в такое место на берегу реки, о котором совсем не знали, есть ли там хороший и надежный брод или нет. Когда он остановился в нетерпении у берега, ему показалось, что на противоположном берегу мелькают между прибрежными ивами белый плащ с черным крестом и пегая лошадь герцога.

„Должно быть, он заблудился, как и я? говорил он сам с собою. Вероятно, он отыскал здесь брод... Ну, это мы сейчас узнаем".

И среди безмолвия ночи он крикнул:

„Перейти можно?"

— Можно! — ответил голос.

„Здесь?"

— Здесь...

Пустив свою лошадь, которая фыркала и пятилась, как будто она увидела пред собою глаза пантеры или василиска, сир Риффенах ринулся в волны и... более не показывался... Ему отвечало эхо.

Заключение.

Перед вами развернулась в главнейших чертах картина, изображающая средневековый замок и его обитателей. Вы несколько знакомы теперь не только с внешностью обитателя средневекового замка, не только с его привычками и образом жизни, но также и с его духовной стороной. Не увлекаясь слишком воображением, которое склонно прикрасить все, относящееся к рыцарской поре, мы должны признаться, что тогдашние обитатели замков заключали в себе смесь самых противоречивых качеств, смесь достоинств с недостатками. Так напр., обитатель средневекового замка был отважен и в то же время суеверен, а следовательно и пуглив; он горячо веровал, сомнение еще не коснулось его, а между тем в любое время он не прочь был сопоставить требования веры с прелестями настоящей жизни и отдать предпочтение последним; клялся исполнять идеальные требования рыцарства и в то же время был способен на самые жестокие, самые несправедливые поступки.

Но, как бы то ни было, у этого общества были высоко нравственные идеалы. Насколько высоко ценились в средневековом обществе рыцарские идеалы, можно заключить из того убеждения, господствовавшего среди этого общества, что измена им влекла за собою и злую кончину, и мучения в загробной жизни, а верное служение приносило рыцарю радости райской жизни после блаженной кончины. Когда доблестный рыцарь Роланд, смертельно раненый в битве с язычниками, умирал, к нему, по словам поэмы, слетались ангелы...

„Послал к нему Всевышний херувимов,
И Рафаил слетел к нему на землю,

И Михаил Заступник, с ними
Слетел и сам архангел Гавриил...
И вот — с душой Роланда херувимы
Помчались прямо в чудный, светлый рай..." *)

Известный историк средних веков, рыцарь Жоанвилль в таких выражениях говорит о кончине Людовика Святого, воплотившего в себе рыцарские идеалы: „После этого святой король велел положить себя на ложе, посыпанное пеплом, сложил на груди свои руки и, обратив очи к небу, возвратил свою душу нашему Создателю, в тот самый час, в который Сын Божий умер на кресте за спасение мира" **).

Высокие рыцарские идеалы, несомненно, служили тогдашнему обществу яркими маяками, освещающими темные жизненные пути. С другой стороны, нам кажется, что эти именно идеалы и привлекают к нам тогдашнее общество, сообщая ему в наших глазах ту высоко поэтическую окраску, которая иногда может служить даже помехой для того, чтобы представить себе его действительное состояние. Наконец, идеалы, которыми жило средневековое общество, Благодаря которым известный слой его нравственно возродился и усовершенствовался, сослужили великую службу делу человеческого развития, облагородили человеческое общество. В этом отношении заслуги рыцарства несомненны. Разумеется, рыцарские идеалы не были новостью, это были все те же общехристианские идеалы, но рыцарство помогло Церкви еще раз провести эти идеалы в жизнь, неразрывно связать их с известными действиями и поступками людей, с человеческим самолюбием (в лучшем смысле слова), вылить их в известные формы, вполне соответствовавшие тогдашним

*) Песнь о Роланде. Перевод графа де ла Барта.

***) „Après, se fist li sains roys couchier en un lit couvert de cendre, et mist ses mains sus sa poitrine, et en regardant vers le ciel rendi a nostre Createour son esperit, en celle hore meismes que li Fiz Dieu mourut pour le salut dou monde en la croiz".

общественным и историческим условиям. Рядом с этим фактором следует поставить и умиротворяющее влияние женщины. В феодальном замке женщина была именно воплощением мира. Рождение, выращивание и воспитание детей, мирные, размеренные хозяйственные заботы, наконец — врожденная нежность характера и деликатность чувств, все это создавало под сводами мрачного феодального замка атмосферу „мира и отрады". Под этими сводами, в этой атмосфере выросли и пышно расцвели рыцарские идеалы. „Еще есть — говорит один французский исследователь, — еще есть на свете множество прекрасных душ, правдивых и сильных, которые со всей страстностью стоят за все слабое и угнетенное, которые сознают и применяют в жизни все тонкости требований чести и предпочтут смерть вероломству даже одного только обмана. Вот чем мы обязаны рыцарству, вот что завещало оно нам. В тот день, когда в наших душах изгладятся последние следы его, мы сделаемся мертвецами". Но мыслима ли гибель всего светлого и Благородного, что делает человека достойным своего высокого звания?

Ужель добру и правде вечной
И царству светлой красоты
Грозить конец? Ужель исчезнут
Они, как юные мечты?

Нет, не исчезнуть им во веки!
Безумья яростной волне
Не доплеснуть до небосвода,
Не быть в лазурной вышине!

Не свергнуть звезд с небесной выси!
Грози, безумствуй, человек!
Они сияют безмятежно,
Несокрушимые во век.

Придет пора, и станут прахом
Твои потомки, внуки их,
А звезды так же будут юны
В нарядах пламенных своих *).

*) Из стихотворений К. А. Иванова.

Заклячая в себе совокупность данных из области прошлого всевозможных народов, история знакомит нас с теми или другими духовными свойствами человечества, она раскрывает перед нами его душу. Проявляются в истории отрицательные, проявляются и положительные свойства человеческой души. Одной из таких эпох, в которой с особенною силою выступили эти последние свойства, и является эпоха процветания рыцарства, т. е. XII и XIII столетия после Р. Хр. Рыцарские чувства обнаруживались, рыцарские поступки совершались и до этого времени. Не даром в средние века, в частности — в эпоху процветания рыцарства, так любили слушать слагавшиеся труверами поэмы о Благородном, рыцарственном царе македонян, греков и нескольких восточных народов, Александре Великом, жившем за три слишком столетия до Р. Хр. Средневековые эпические певцы или труверы находили возможным изображать его совершенным рыцарем, поселяли его в рыцарском замке, давали ему рыцарское воспитание и даже приписывали ему чуждое эпохе Александра, но свойственное эпохе труверов — служение дамам *). Настолько родственным по духу казался им язычник Александр! К счастью человечества, и после падения рыцарства, как учреждения, продолжали обнаруживаться рыцарские чувства, продолжали совершаться рыцарские поступки. Если рыцарство, как учреждение, уже умерло, оказав человечеству величайшую услугу, пробудив лучшие струны сердца его, зато рыцарство, как совокупность благороднейших свойств человеческого духа, бессмертно.

*) О служении дамам см. нашу книгу „Трубадуры, труверы и миннезенгеры“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие к 1-му изданию	III
Предисловие ко 2-му изданию	V
Внешний вид замка.	1
Посвящение в рыцари.	13
Внутренность замка.	29
Пир.	36
Охота на кабана.	53
Рыцарское вооружение.	58
Турнир.	64
Судебные поединки.	75
Среди семьи.	82
Именем фазана.	93
Заключение.	122